

18+

«Мрачная, полная опасностей
и неожиданных поворотов сюжета».
ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

The Magician's Land

ЗЕМЛЯ ВОЛШЕБНИКА

ЛЕВ ГРОССМАН

По мотивам книги выходит сериал «Волшебники»

Волшебники. The Magicians

Лев Гроссман

Земля волшебника

«АСТ»

2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гроссман Л.

Земля волшебника / Л. Гроссман — «АСТ»,
2014 — (Волшебники. The Magicians)

ISBN 978-5-17-098902-7

Квентин Колдуотер изгнан из Филлори – волшебной страны его детских грез. Теперь Квентину нечего терять, поэтому он возвращается туда, откуда все началось, – в частный колледж магии Брекбиллс. Однако даже там ему не удастся скрыться от своего прошлого. Тем временем в Филлори рушатся магические барьеры и вторгаются чужеземцы с севера. Чтобы остановить нависшую угрозу, верховным королю и королеве Филлори, Элиоту и Дженет, придется отправиться на опасные поиски давно исчезнувшего бога. А Квентину снова доведется побывать в Антарктике, чтобы оттуда попасть в загадочную Нигделандию, встретить старых друзей и рискнуть навести порядок в Филлори либо погибнуть в попытках.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-098902-7

© Гроссман Л., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лев Гроссман

Земля волшебника

Посвящается Алкионе

Дальше вверх и дальше вглубь!
К. С. Льюис, «Последняя битва»

Lev Grossman

THE MAGICIAN'S LAND

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Lev Grossman, 2014

© Виленская Н., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Начало марта, холод, не столько снег, сколько дождь. Так себе погода. То же относилось и к магазину, где Квентину назначили встречу. Минут пятнадцать он разглядывал его с автобусной остановки через пустую стоянку; дождь стучал по крыше, фонари отражались в мокром асфальте. Не из тех уютных романтических книжных лавок, где на окне сидит рыжий кот, на особой полке стоят первоиздания с подписью автора и эксцентричный, в бакенбардах, хозяин встречает вас за прилавком. Просто один из элементов торгового комплекса, втиснутый между ногтесервисом и салоном «Парти-Сити», в двадцати минутах езды от Хакенсака по платной дороге Нью-Джерси.

Квентин, удовлетворенный осмотром, перешел на ту сторону парковки. Громадный бородастый кассир говорил по телефону и даже не поднял глаз, когда колокольчик звякнул. Изнутри был хорошо слышен шелест шин по мокрой дороге. Единственный необычный штрих представляла собой птичья клетка, в которой вместо ожидаемого какаду сидел почему-то грач, но Квентина это ничуть не обеспокоило. В книжных магазинах, где он всегда был как дома, ему последнее время не часто доводилось бывать, и он намеревался извлечь из этого визита максимум удовольствия.

Мимо открыток и календарей с котятами он прошел к собственно книгам. Очки у него запотели, с пальто капало на тонкий ковер. Да, среди книг ты всегда дома, где бы ни находился в этот момент.

Около девяти часов вечера дождливого четверга магазин по всем статьям должен был пустовать, однако покупателей в нем имелось достаточно. Они, каждый сам по себе, медленно бродили по проходам, словно лунатики. Девушка с пирсингом и стрижкой под эльфа читала Данте на итальянском. Высокий большеглазый парень не старше шестнадцати углубился в пьесу Тома Стоппарда. Чернокожий мужчина средних лет с высокими скулами разглядывал в толстые радужные очки мемуары и биографии. Можно было подумать, что они и впрямь книги здесь покупают, но Квентин знал, что это не так.

Интересно, почуял бы он подвох, если б не знал заранее? Он, конечно, уже не мальчик, тридцать стукнет в этом году, но в такие игры ему пока не приходилось играть.

Здесь, по крайней мере, тепло. Квентин снял и протер очки. Всего пара месяцев, как он обзавелся ими – расплата за то, что всю жизнь читал мелкий шрифт, – и до сих пор ощущал их как ветровое стекло между собой и остальным миром. Они вечно соскальзывали с носа и мигом пачкались, когда он их поправлял. Надев их опять, он разглядел симпатичную веснушчатую девушку, листавшую дорогой альбом с рисунками Пиранези: темницы, склепы и машины, построенные из дерева, – хорошо ему знакомую Плам. Увидев его, она слегка приподняла брови: ты-то, мол, что здесь делаешь?

Квентин, тоже едва заметно, качнул головой, старательно глядя в сторону. Этим он не хотел сказать, что хочет приобрести пару кофейных кружек с новыми хохмами. «Сделаем вид, что не знаем друг друга», – означал этот жест.

Видя, что пришел раньше времени, он тоже стал разглядывать корешки. В секции для юношества присутствовали, конечно, книги из серии «Филлори» – заново переизданные, в блестящих обложках, больше подходивших для раздела «Романтика», – но Квентин был пока не готов с ними встретиться. Он снял с полки «Шпиона, который вернулся с холода» и следующие десять минут провел на пропускном пункте серого Берлина пятидесятых годов.

– Блуждающие в лабиринте, внимание! – объявил кассир – учитывая площадь магазина, он мог бы обойтись и без громкой связи. – «Книжный лабиринт» закрывается через пять минут! Прошу пройти на кассу с покупками!

Квентин поставил книгу обратно. Старушка в берете, который не иначе связала сама, купила «Мисс Джин Броди в расцвете лет»¹ и вышла. Стало быть, не она. Тощий пацан ушел из секции графических романов, не купив ничего, – и не он тоже. Здоровый парняга, похожий на кроманьонца, выбрал наконец поздравительную открытку, но уходить не спешил.

Ровно в девять кассир запер дверь, и последний судьбоносный звон колокольчика прошелся по нервам Квентина. Шлагбаум упал – теперь от карнавального шествия уже не отвертишься. Квентин старался дышать глубоко, но нервы не желали успокаиваться. Грач каркнул, топчась в корме пополам с пометом на дне своей клетки – звук родом с дождливой пустоши в час, когда сгущаются сумерки.

Кассир, с извинением протиснувшись мимо мужчины в биографиях, открыл серую железную дверь с надписью «Службное помещение».

– Сюда, пожалуйста. – По скучливому тону можно было подумать, что он это говорит каждый вечер – да и говорил, насколько понимал Квентин. Теперь, когда он встал, его параметры проявились в полном объеме: рост шесть футов четыре-пять дюймов, грудь колесом. Не качок, но плечи широченные – с таким связываться никто не захочет. Одна сторона его лица была значительно полнее другой, как будто ее слишком сильно надули; из-за этого он смахивал на бутылочную тыкву.

Квентин, последний в очереди, насчитал впереди восемь человек. Все они настороженно смотрели по сторонам и старались не прикасаться друг к другу, точно могли взорваться при малейшем контакте. Квентин, желая убедиться, что с дверью все в порядке, применил легкие чары: сложил большой и указательный пальцы в кольцо и посмотрел в него, как в монокль.

– Эй! – гаркнул кассир. – Никакой магии. Строго запрещено.

Все обернулись.

– Простите? – изобразил дурака Квентин. «Вашим высочеством» его больше не называли, но на «эй» он тоже как-то не привык откликаться. Дверь, согласно осмотру, была как дверь.

– Прекратите это. Никакой магии.

Квентин, испытывая удачу, осмотрел и кассира. В кармане у него светился талисман, усиливающий потенцию, и сам он тоже светился, как фосфоресцирующая водоросль. Странное дело.

– Хорошо, как скажете. – Квентин опустил руки.

В окно кто-то упорно стучался.

– Какого хрена. – Кассир отпер входную дверь и после краткого диалога впустил мокрого молодого красавца, в ветровке не по сезону и с загаром, тоже не мартовским.

Подсобка, темнее, чем думал Квентин, оказалась при этом довольно просторной: аренда на проезжей дороге, как видно, недорого стоила. На стальных полках книги с разноцветными ярлычками, на стенах рабочие графики и комиксы из «Нью-Йоркера». Штабеля картонных коробок, выдавшие виды диван и кресло, мини-холодильник, железная ставня для приемки товара на задней стене. Склад пополам с комнатой отдыха, но половина площади пропадает впустую.

Слева, в другую дверь, входили еще какие-то люди. За ними виднелся другой книжный магазин, поуютнее, со старыми люстрами, восточными коврами и, возможно, рыжим котом. Квентин без всякой магии, по одной зеленой линии вдоль одного косяка, определил, что это не просто дверь, а портал в некое отдаленное место: в реальности за этой стенкой помещался один только «Парти-Сити». Интересно знать, что за публика здесь собралась. Квентин слышал о подобных теневых шоу типа открытых прослушиваний, но ни разу на них не бывал и не собирался бывать. Дожили, что называется. Это тусовки для маргиналов волшебного мира

¹ Роман Мюриэл Спарк (1961).

или для тех, кто пытается вернуться в него из суровой реальности, из торгового комплекса в Хакенсаке, Нью-Джерси. Не для таких, как Квентин.

А может, и для него тоже? Правды не скроешь: теперь и он влился в ряды неудачников. Полгода назад он был королем волшебной страны, но это дело прошлое. Из Филлори его вышибли и с тех пор только и делали, что пинали: теперь он, как и эти несчастные, тоже пытается влезть по скользкому склону обратно к теплу и свету.

Плам и человек в радужных очках заняли диван, загорелый кресло, стрижка-эльф и любитель Стоппарда пристроились на коробках. Остальные, четырнадцать общим счетом, просто стояли. Кассир закрыл серую дверь, отрезав собравшихся от всех звуков внешнего мира, водрузил на коробки птичью клетку и открыл дверцу. Грач, как это свойственно птицам, потряс сначала одной лапой, потом другой и сказал:

– Спасибо, что пришли. Буду краток.

Это, судя по всему, удивило не только Квентина. На Земле говорящие птицы редко встречаются, это скорее филлорийская особенность.

– Мне нужна помощь, чтобы забрать некий предмет у тех, кто владеет им в настоящее время. – Грач, поблескивая перьями при электрическом свете, говорил тихо, интеллигентно, очень по-человечески. Пользовался он явно не собственными голосовыми связками, но на то вам и магия.

– Украсть, иными словами, – вставил лысеющий индеец лет сорока в крайне уродливом пестром свитере.

– Именно, – подтвердил грач.

– Вернуть украденное или просто украсть?

– А в чем разница?

– Просто хотелось бы знать, плохие мы ребята или хорошие. Кому эта вещь принадлежит по закону?

– Законным владельцем ни та, ни другая сторона считаться не может, – пораздумав, ответил грач, – но у нас, если вам это так важно знать, больше прав.

Индийца это, похоже, удовлетворило – Квентин подозревал, что его бы устроил любой ответ.

– Кто вы? – спросил кто-то. Грач промолчал.

– Что это за предмет? – поинтересовалась Плам.

– Об этом вы узнаете, когда дадите согласие.

– Где он находится? – внес свою долю Квентин.

Грач, растопырив крылья, пожал плечами по-птичьи.

– На северо-востоке Соединенных Штатов.

– Стало быть, вы не знаете. Для начала его надо найти.

Птица не отрицала.

Стрижка-эльф подалась вперед, что было не так-то легко на диване со сломанной спинкой и в очень короткой юбке. Ее черные волосы отливали лиловизной, из-под рукавов выглядывали тату в виде звездочек – такие делают в волшебных убежищах. Интересно, сколько их у нее и что ей пришлось совершить, чтобы попасть сюда.

– Найти, украсть – и без драки тоже не обойдется, я думаю. Что именно нас ожидает?

– Уточните, пожалуйста.

– Какая будет охрана, сколько их, насколько они опасны. Это достаточно точно?

– Да. Мы полагаем, их будет двое.

– Магов?

– Двое магов и немного гражданских. Ничего экстраординарного, насколько я знаю.

– Насколько знаете! – фыркнул загорелый – он, похоже, был не совсем в себе.

– Могу сказать со всей уверенностью, что в предмет встроены чары – их надо будет, разумеется, снять.

В наступившей тишине кто-то тяжело вздохнул. «Что за херня», – говорил всем своим обликом покупатель открыток.

– Такие чары по определению нерушимы, – холодно заметила Плам.

– Вы попусту тратите наше время, – заявили радужные очки.

– Встроенные чары еще ни разу не нарушались, – согласилась птица, немного взъерошив перья, – но мы полагаем, что теоретически, при наличии правильных навыков и ресурсов, это возможно. Все необходимые навыки присутствуют в этой комнате.

– А ресурсы? – спросила стрижка-эльф.

– Ресурсы можно приобрести.

– Значит, это тоже входит в задание. – Квентин начал загибать пальцы. – Приобретение ресурсов, находка объекта, снятие чар, разборка с хозяевами. Я ничего не забыл?

– Все верно. Каждый получит по два миллиона долларов, в ассигнациях или золотом. Сто тысяч прямо сейчас, остальное при доставке объекта. Решайте и помните, что в случае отрицательного ответа вы эту встречу ни с кем не сможете обсудить. – Грач, завершив свою речь, взлетел на верхушку клетки.

Это превосходило ожидания Квентина. Маг, возможно, может заработать два миллиона долларов проще и безопаснее, но столь быстрый способ вам предлагают не часто. Деньги в волшебном бизнесе, допустим, еще не все, но порой они нужны позарез. Например, когда тебе надо срочно вернуться в гущу событий. Когда тебя ждут дела.

– Всех, кто не заинтересован, прошу уйти, – сказал кассир – заместитель птицы, как видно. Он был молод, немного за двадцать, но отпустил густую черную бороду.

– Удачи, – произнес кроманьонец, обнаружив сильный немецкий акцент. – Она вам понадобится, ведь так? – Он бросил свою открытку (с пожеланием скорого выздоровления) на пол и вышел. Никто не стал ее подбирать.

За ним потянулись другие. Возможно, в городе этим вечером намечались и другие шоу такого рода, но Квентин о них не знал и остался на этом. Как и Плам, у которой с финансами тоже, видимо, было не густо.

Загорелый, стоя у двери, говорил всем уходящим:

– Пока-пока!

Когда кассир опять закрыл дверь, их осталось в комнате восемь: Квентин, Плам, Эльф, Загорелый, Радужные Очки, подросток, индеец и женщина в пышном платье, с седой челкой на лбу (двое последних пришли сюда через портал). В комнате стало еще тише, чем раньше, и до странности пусто. Сливки ушли, остались подонки.

– Ты случайно не из Филлори? – спросил грача Квентин.

Все посмеялись, хотя он не шутил. Грач смеяться не стал, вопрос обошел молчанием, а выражение его лица, как и у всех птиц, никогда не менялось.

– Прежде чем двигаться дальше, вы все пройдете несложный магический тест, – сказал он. – Лайонел (это относилось к кассиру) – эксперт по вероятностной магии. Каждый из вас сыграет с ним в карты; выигравшие получают зачет.

Это вызвало общее недовольство. Ситуация, насколько понял Квентин, не укладывалась в стандартные рамки, и ее требовалось осмыслить по-новому.

– Во что играть будем? – спросила Плам.

– В атаку.

– Да вы шутите, – процедил Радужные Очки.

Лайонел невозмутимо тасовал карты.

– Вовсе нет, – сухо ответил грач. – Я предлагаю за эту работу большие деньги и предъявляю определенные требования.

- Я сюда не в игры пришел играть.
- А зачем же тогда? – весело поинтересовалась Эльф, а птица заметила:
- Вы можете уйти в любую минуту.
- Может, и уйду.

Он взялся за ручку двери, будто ожидая, что его кто-нибудь остановит. Никто не остановил, и дверь закрылась за ним.

Карты в больших руках Лайонела двигались будто сами собой – профессионал, сразу видно. Квентин вспомнил, как тринадцать лет назад сдавал вступительные экзамены в Брекбиллс. Тогда он, мягко говоря, не блистал, да и теперь был не очень в себе уверен – хотя начинал в свое время как раз с карточных фокусов.

- Ладно, – сказал он, разминая пальцы. – Сыграем.

Подтащил стул, сел против Лайонела. Тот вежливо подал ему колоду, и Квентин начал тасовать сам. Карты были новые, но не только что распечатанные, снабженные обычными антишулерскими чарами. Квентин, почувствовав себя в знакомой стихии, незаметно перенес в нужное место пару фигур. Давненько он не брал карты в руки, но в этой игре кое-что понимал: физики постоянно играли в атаку.

Игра эта, можно сказать, детская, похожая на известную всем «войну». Старшая карта бьет младшую, плюс разные волшебные прибабасы, чтобы разбить ничью (мечешь, например, карты в шляпу; наберешь пять – они будут расцениваться, как в покере). Но суть атаки не в правилах, а в мошенничестве. Картам изначально присуща магия: стасованная колода есть не стабильная величина, а клубящееся облако, коробка с целой кучей кошек Шредингера, и ни в чем нельзя быть уверенным, пока не начнешь игру. Легкие магические ноу-хау позволяют сдать карты в нужном порядке; на следующей ступени ты угадываешь, как собирается пойти твой противник; еще немного магии – и ты разыгрываешь карты, которые по всем законам вероятности принадлежат ему, или уже сброшены, или вообще входят в другую колоду.

Квентин вернул карты Лайонелу, и игра началась.

Поначалу оба двигались осторожно, разменивали мелкие карты, держали подачу. Квентин считал карты автоматически, хотя это не обещало успеха: в магической игре они склонны переходить с одной стороны на другую и внезапно воскресать, когда их считают сброшенными. Его оценка противника возрастала в процессе игры; становилось ясно, что Лайонела одной грубой силой не одолеешь.

Интересно, где он учился. Тоже в Брекбиллсе, вероятно: в убежищах такой четкости не дают. В его магии, однако, ощущался и некий чужой, кислый привкус – Квентин сомневался даже, что Лайонел человек.

Всего в атаке разыгрывается двадцать шесть взяток. До середины игроки шли вровень, но на четырнадцатой взятке Квентин неосмотрительно пошел королем, которого Лайонел побил козырной двойкой. Это нарушило баланс. Квентин проиграл три взятки подряд и взял две, мошеннически вернув отбитые карты. С этого момента игра пошла всерьез, и комната сузилась до размеров карточного стола. Квентин, чей соревновательный дух очнулся от долгой спячки, твердо вознамерился выиграть. Лайонел перемещал карты в прикупе, Квентин передвигал их обратно. На четырех следующих взятках они схватились не на шутку и разыграли все четыре туза. Квентин, пытаясь отвлечь противника, сбросил его сексуальный амулет из кармана на пол – но Лайонел, если и заметил, виду не показал. Поля вероятностей переливались вокруг, как безумные – невидимые, но проявляющие себя в побочных эффектах. Одежду и волосы игроков шевелил ветер, сброшенная карта стояла ребром или крутилась на одном уголке. Над столом сгустился туман, из него выпала одинокая снежинка. Зрители отошли назад. Квентин побил королем валета червей и проиграл следующую взятку с теми же картами, только наоборот. Разыграл двойку, и Лайонел выругался вполголоса, сообразив, что зачем-то придержал лишнюю покерную карту. Реальность размягчалась и таяла. Пиковая дама, которую Лайонел выло-

жил на предпоследней взятке, показалась Квентину похожей на Джулию; карточную даму с одним глазом и с птицей на плече он, во всяком случае, видел впервые. Он покрыл ее своим последним королем, который вдруг оказался валетом с седыми, как у самого Квентина, волосами.

Лайонел, и тот удивился. В игру явно вмешался некто третий. С последней карты Лайонела на них смотрела дама неизвестной ранее масти – дама стекол с прозрачным сапфировым ликом. Вылитая Элис.

– Какого черта, – потряс головой Лайонел.

Вот именно, какого. Видение Элис глубоко потрясло Квентина и в то же время напомнило, для чего он здесь. Он решил, что не поддастся панике и не останется в проигрыше – наоборот. Элис поможет ему обернуть все в свою пользу.

Ловкость рук и никакого мошенства. Пользуясь замешательством Лайонела, Квентин вытащил из ботинка короля треф и шлепнул им о стол, игнорируя серый королевский наряд и зеленую ветку поперек карты.

Игра закончилась. Квентин перевел дух.

– Хорошо, – сказала птица. – Следующий.

Лайонел, не слишком довольный, промолчал и подобрал с пола свой амулет. Квентин вместе с другими встал у стены. После пересечения красной черты у него еще колотилось сердце и подгибались коленки. На выигрыш он настроился с самого начала, но никак не ожидал увидеть свою давно потерянную любовь в виде карточной дамы. Что это вообще было? Возможно, кто-то знает о нем больше положенного и пытается вывести его из игры – но кто? Кому теперь дело до того, выиграет Квентин или продует, кроме самого Квентина? Может, к чарам примешалось собственное его подсознание – а может, сама Элис, где бы она ни была, хотела поразвлечься за его счет? Что ж, пусть себе. Он сосредоточен на настоящем, и прошлое, даже если оно связано с Элис, не вправе влиять на его судьбу.

Загорелый выиграл, не прибегая к каким-либо экстраординарным средствам, индеец тоже. Старушка выбыла после совершенно невероятной комбинации из пяти джокера и монопольной карты «отправляйтесь в тюрьму». Парнишку и Плам птица почему-то не допустила играть. Эльф прошла тест быстрее всех остальных – может, просто потому, что Лайонел уже подустал.

Проигравшей старушке Лайонел вручил толстую пачку столларовых купюр. Такую же получил загорелый.

– Спасибо, что уделили нам время, – сказала птица.

– Но я же прошел, – оторопел загорелый.

– Прошел, но на встречу опоздал, – сказал Лайонел. – И вообще, сдается, большая сволочь.

Загорелый густо побагровел.

– Давай, – растопырил руки Лайонел. – Врежь мне.

– Да пошел ты. – Загорелый захлопнул за собой дверь.

Квентин плюхнулся в освобожденное им кресло, еще не просохшее после мокрой ветровки. Он был выжат, как лимон, и не прошел бы больше ни одного теста – оставалось надеяться, что все ограничится картами.

Их осталось пятеро: он сам, Плам, Эльф, индеец и пацан. Все начинало выглядеть чертовски реальнее, чем час назад. Ни особых подозрений, ни особого доверия Квентину этот проект пока не внушал. То ли назад вернуться, то ли забредешь незнамо куда, где он уже бывал раньше; не лучше ли встать и снова выйти в холодную, дождливую ночь.

За неимением лучших предложений Квентин, однако, никуда не ушел.

– Думаешь, пятерых достаточно? – спросил он у птицы.

– С Лайонелом вас шесть. Да, этого, по-моему, вполне хватит.

– Не томи уже, – вмешалась Эльф. – Что мы должны делать?

Грач внял просьбе и не стал их томить.

– Найти коричневый саквояж средней величины с монограммой РЧД. Произведен в 1937 году фирмой «Луи Виттон». – Французское произношение у него было довольно приличное.

– Ну-ну. А что в саквояже?

– Не знаю.

– Как не знаешь? – впервые подал голос пацан. – На кой он тебе тогда?

– Чтобы узнать.

– Угу. А инициалы что означают?

– Руперт Джон Четуйн.

– Тогда «Ч» на конце должно быть? – растерялся парень.

– Это монограмма, дурень, – разъяснила Эльф. – Сначала фамилия, второе имя потом.

– Четуйн. – Индеец задумчиво потер подбородок. – Это же...

Да, мысленно подтвердил Квентин. Он самый.

От этого имени холод пробрал его еще пуще, чем от дождя, говорящей птицы и карт. Он не хотел его больше слышать до конца своих дней: их взаимная власть друг над другом осталась в прошлом. С Четуйнами он завязал.

При этом оно означало, что продолжение следует, что Филлори, Пlover, Белый Шпиль и Четуйны все еще существуют где-то. Квентин чувствовал себя наркоманом, почувшим после долгого воздержания свою любимую дурь и уже предвкушающим скорый кайф. Он зажмурился, чтобы усилить сладкое ощущение.

Имя было сигналом, горящим в ночи костром, посланным ему одному сквозь дождливый мрак из теплого центра вселенной.

Глава 2

Он очень старался, но все сложилось вопреки его воле.

В начале была Нигделандия, безлюдный город итальянских фонтанов и закрытых библиотек, таинственным образом расположенный между всеми остальными мирами. Путь в них лежал как раз через фонтаны, и тот, к которому прислонялся Квентин, вел в Филлори, откуда его изгнали.

Он стоял там долго, не решаясь оторваться от холодного камня. Только этот фонтан еще связывал его с прошлой жизнью, с волшебной страной, где он был королем. Квентину очень хотелось продлить минувшее, но надо было жить дальше. Он похлопал фонтан по ободку и ушел.

Квентин чувствовал себя пустым, невесомым. Он перестал быть тем, кем был раньше, и не знал еще, кем будет потом. Ему все еще представлялся Край Света – закат, бесконечный берег, два разрозненных стула, звенящий месяц, трескучие кометы. И Джулия, падающая за край Филлори на Ту Сторону, навстречу своей судьбе.

Для нее начало, для него тупик. Нет больше Филлори. Вообще хода нет.

При этом Квентин не мог не замечать перемен в Нигделандии. Раньше она безмятежно почивала под стеклянным колпаком вечных сумерек – но когда древние боги пришли, чтобы исправить свое упущение и убрать из вселенной магию, стекло разбилось, впустив в город время и непогоду. В воздухе чувствовался туман, над головой мчались рваные тучи, клочки голубого неба отражались в талой воде, повсюду журчали ручьи: Нигделандия встречала свою первую весну, сама того не желая.

Дома с сорванными крышами стояли, открытые всем стихиям. В них, как костяшки домино или ребра гниющих туш, лежали книжные полки, ветер носил туда-сюда разрозненные страницы. Переходя по мостику через канал, Квентин заметил, что вода стоит вровень с берегами – что же будет в случае половодья?

Может, и ничего, хотя ноги он промочит наверняка.

Земной фонтан тоже переменялся. Драконы, входившие в Нигделандию, чтобы побороться за магию, разодрали на части его бронзовый лотос. Фонтан, так и не дождавшись починки, восстанавливался самостоятельно: старый увядший лотос отпал, на его месте распустился новый.

В тугой бутон, пожалуй, не пролез бы даже Квентин со своими тощими бедрами. Что-то коснулось его плеча, и он инстинктивно поймал в воздухе вырванную из книги страницу с текстом и чертежами. Он хотел было снова пустить ее по ветру, но раздумал, сложил вчетверо, сунул в задний карман.

И свалился на Землю.

Там, по крайней мере в Честертоне, лил холоднящий дождь – в Новую Англию пришел ноябрьский муссон. Волшебная пуговица по причинам, ведомым только ей, решила вернуть Квентина в бостонский пригород, где жили его родители, на лужайку перед их здоровенным домом. Дождь стучал по крыше, струился по окнам, извергался из водостока. Он мигом смыл с Квентина морскую соль Филлори, в Нигделандии еще сохранявшуюся. Ее заменили осенние запахи Честертона: гниющая листва, мокрые веранды, мокрые собаки, мокрые изгороди.

Квентин достал из кармана серебряные часы, прощальный подарок Элиота. Перед уходом он, потрясенный и рассерженный, взглянул на них только мельком и рассмотрел только теперь. Три циферблата, передвижная звездная карта, фазы луны. Элиот сорвал их с часового деревца в Лесу Королевы и бережно хранил все долгие месяцы в море. Замечательные часы – надо было его поблагодарить как следует, – только сейчас они почему-то остановились. То ли из-за погоды, то ли Земля не устраивала их в целом.

Квентин смотрел на темный родительский дом и ждал, когда ему захочется войти туда, но особняк не вызывал в нем такого желания. Родители вспоминались, как старая любовь – непонятно, почему его раньше к ним так тянуло. Они умудрились произвести на свет ребенка, с которым ничего общего не имели – или не сумели найти. Серебряная нить, связывавшая их с сыном, порвалась окончательно. Если у Квентина и был где-то дом, то не здесь.

Он сделал глубокий вдох, закрыл глаза и пропел четыре протяжных слога, очерчивая левой рукой большой круг. Теперь его защищали от дождя невидимые линзы: сразу он не просох, но по крайней мере сделал первый шаг на пути к просыханию.

Я больше не король, твердил себе Квентин, шагая по широкому мокрому тротуару. Пора жить, как все нормальные люди. Лучше поздно, чем никогда. Через полчаса он дошел до центра Честертона, доехал на автобусе до станции метро Эйлуайф, оттуда до Южного вокзала, взял билет на автобус линии «Грейхаунд». Конечным пунктом был Ньюбург в штате Нью-Йорк, городок на реке Гудзон к северу от Манхэттена – ближайшая к Брекбиллсу точка, куда можно добраться на общественном транспорте. В прошлый раз, добираясь туда вместе с Джулией, Квентин сильно паниковал, но теперь особенно не спешил и точно знал, что ему нужно: безопасное место, где его знают и разбираются в магии. И работа.

Он остановился в том же мотеле, доехал на такси до того самого поворота и зашагал через сырой лес. Здесь тоже прошел дождь – каждая ветка и каждый прутик обдавали его холодной водой. С визуальными чарами он на этот раз не морочился. Они сами его увидят и поймут, кто он.

Это было правильное решение: за деревьями среди ненастного дня забрезжил солнечный свет. Подойдя ближе, Квентин увидел женщину с миндалевидными глазами лет сорока с лишним – вернее, ее голову и плечи, заключенные в светлый овал, как камея из медальона. Он не знал ее, но было ясно, что она маг.

– Привет, я Квентин.

– Я знаю. Хотите войти?

– Да, спасибо.

Сделав незримый жест, она стала видна в полный рост. За ней, среди угрюмого осеннего леса, светилась солнечная арка с зеленой травой. Женщина посторонилась и пропустила Квентина.

– Спасибо, – повторил он. От летнего воздуха на глаза навернулись слезы. Он отвернулся и сморгнул, но женщина их заметила.

– Это всегда так действует, правда?

– Да. Каждый раз.

Квентин обошел стороной Лабиринт, переделанный уже раз десять после его прошлого посещения. В Брекбиллсе стоял август, и студентов не было видно, хотя абитуриенты, возможно, еще сдавали вступительные экзамены. Послеобеденное солнце лежало на истертых коврах в общих комнатах; дом отдыхал, приходя в себя после тяжких испытаний учебного года.

Квентин не знал, чего ждать от Фогга – в последний раз они расстались не так чтобы очень тепло, – но намеревался настоять на своем. Декан, столь же ухоженный и с той же козлиной бородакой, сидел у себя в кабинете, проверяя работы вновь поступающих.

– Так-так! – При виде Квентина он притворился, что удивлен. – Входи. Не ожидал увидеть тебя так скоро.

Квентин осторожно опустился на стул.

– Я и сам не ожидал, но бывать здесь всегда приятно.

– А мне приятно слышать нечто подобное. В прошлый раз ты, насколько помню, привел с собой деревенскую ведьму – удалось ей тогда попасть в нужное место?

Ей удалось, хотя и с большим трудом. Квентин, не желая об этом распространяться, спросил, как в этом сезоне сыграли в вельтерс. Фогг ему подробно рассказал и про игру, и про

серебряную птичку, обитавшую раньше в его кабинете: некий докторант снова облек ее в плоть и перья.

Потом взял сигару и Квентину предложил. Они закурили.

Пока что все шло лучше, чем предполагал Квентин. Он, видимо, заблуждался, считая Фогга мелочным злобным тираном. Старик, возможно, изменился с годами, а возможно, и прежде был не так плох. Возможно, Квентин чересчур придирчиво к нему относился. На вопрос, чем декан может ему помочь, изгнанник ответил честно – и получил помощь. В колледже как раз открылась вакансия: новичка-адъюнкта пришлось уволить за то, что почти весь свой труд о Фрэнсисе Бэконе он списал у профессора. Квентин мог взять его часы себе – этим он, собственно, оказал бы декану услугу. Если тут и таилось злорадство, если Фогг и радовался тому, что прежний заносчивый юнец, искатель приключений, бунтарь смиренно приполз к нему за подачкой, виду он не показывал.

– Не удивляйся так, Квентин. Ты всегда был одним из лучших – все это понимали, кроме тебя. И ты тоже бы понял, если бы не убеждал себя так усиленно, что тебе здесь не место.

После всех этих лет Брекбиллс вновь открыл двери Квентину, принял его к себе, дал приют в своем потаенном мире. Фогг вручил ему ключ от комнаты, такой маленькой и высокой, что она смахивала на вентиляционную шахту. Там были окно, ванная, стол, половинка двуспальной кровати. Памятный запах простыней отправил Квентина в колодец памяти, в те годы, когда он мечтал о будущем, совсем не похожем на это.

Это было не совсем ностальгией: Квентин тосковал не по Брекбиллсу, а по Филлори. Закрыв за собой дверь комнаты, принадлежавшей уже не королю, а учителю-ассистенту, он наконец отдался полностью этой тоске. Почувствовал в полную меру, что потерял. Он лежал навзничь, смотрел в далекий потолок и думал о том, что происходит там без него: о путешествиях, приключениях, пирах, разнообразнейших чудесах. Думал об океанах, реках, деревьях и лугах Филлори. Казалось, одно его страстное желание вернуться туда способно поднять его с жесткой кровати и перенести из этого мира в тот, но ничего такого с ним не случилось.

Он получил расписание, место в столовой и власть над студентами – а также то, что должен был получить давным-давно и совсем забыл, что так и не получил: специальность.

Каждый маг имеет природную склонность к определенной отрасли магии – остается только определить, к какой именно. Специальность, пустячная или полезная, есть у всех – это нечто вроде магических отпечатков пальцев, – но предрасположенность Квентина в свое время так и не удалось выявить. Он вспомнил об этом, лишь когда ему предложили назвать ее при вступлении в штат.

Его, как и дюжину лет назад, отправили к профессору Сандерленд, в которую он студентом был безнадежно влюблен. В ту же солнечную лабораторию. Даже не верилось, что она работала здесь все то время, пока его носило по всевозможным вселенным, и что теперь они, можно сказать, на равных. Она, если это возможно, стала еще красивее, чем в свои двадцать пять.

Зрелая мягкость черт придала ей индивидуальности, но то, что Квентин тогда считал неземной безмятежностью, теперь выглядело как недостаток эмоций: раньше он не замечал, какая она закрытая.

В те годы он так сильно чувствовал ее превосходство, что не был уверен, помнит ли она его – но она помнила.

– Конечно. Вы были не настолько невидимы, как думали сами.

А он так думал? Да, вероятно.

– Значит, и моя тайная влюбленность в вас тоже была не настолько тайной?

– Скрывать влюбленности – определенно не ваша специальность, – добродушно улыбнулась она. – Закатайте рукава выше локтя и протяните руки ладонями вниз.

Он протянул. Она втерла в них какой-то порошок, и на коже замерцали холодные искорки – будто смотришь сверху в ночное время на малонаселенную местность. Квентин чувствовал их покалывание, но это, возможно, ему только мерещилось.

– М-мм. – Санлерленд – или Перл, ведь теперь они могли называть друг друга по имени – похлопала его по рукам, как в детской игре, и искры пропали. Потом отрезала у него прядь волос и сожгла над жаровней. Они пахли, как паленные волосы. – И тут ничего.

Теперь ей стало не до любезностей – задача поглотила ее целиком. Приказав Квентину ходить задом наперед по всей комнате, она принялась рассматривать его в дымчатые линзы, как не желающую складываться цветочную композицию.

– Почему это так трудно для вас? – спросил Квентин, стараясь ни на что не наткнуться.

– Не смотрите через плечо.

– Почему вы никак не можете определить мою специальность?

– Причин может быть несколько. – Она заправила за уши свои прямые светлые волосы и поменяла линзу. – Возможно, она просто скрыта. Некоторые дисциплины не желают открываться по природе своей. Возможно также, что специальность узкая, практически бесполезная, и ее трудно рассмотреть за фоновым шумом.

– А если это что-то редкое? – Квентин наткнулся на табурет. – Такое, что никому еще не встречалось?

– Все может быть.

Квентин всегда завидовал Пенни, чьим редким – уникальным, возможно – даром были путешествия между разными измерениями, но тон Перл давал понять, что дело в чем-то другом.

– А помните, как у меня искры из пальцев сыпались?

– Конечно. Как же я сразу не вспомнила! Станьте смирно. – Она извлекла из ящика тяжелую, окованную медью линейку с незнакомыми Квентину символами. – Закройте глаза.

Он закрыл, и пальцы правой руки тут же прошило болью. Квентин зажал их между коленями и даже «ой» сразу выговорить не смог. Он думал, что лишился их навсегда, но они, хотя и сильно покрасневшие, были на месте. Сандерленд нанесла удар острым ребром линейки.

– Извините. Боль часто способствует полезным открытиям.

– Знаете что? Я предпочитаю остаться в неведении.

– Не волнуйтесь, я все уже выяснила. Какой вы, однако, неженка.

Потому что не любит, когда его бьют по костяшкам? Квентину вдруг захотелось остановить Перл, листавшую толстенный, напечатанный мелким шрифтом справочник. Он не готов был расстаться с привычным обликом мага без специальности, и если она сейчас скажет, что он такой же, как все...

– У меня была хорошая версия относительно вас. – Перл вела пальцем по странице. – В тот первый раз у вас специальности еще не было: вы всегда казались мне немного инфантильным для своего возраста, недостаточно развитым эмоционально.

Надо же. Как видно, не только его влюбленность была заметнее, чем он полагал.

– Я, наверно, поздно достиг расцвета.

– Вот оно, – хлопнула по странице Перл. – Починка мелких предметов.

Он, честно говоря, надеялся не на это.

– Стульев, скажем?

– Думаю, еще меньше. Ну, не знаю... кофейных чашечек. Вы уже это делали? Склеивали что-нибудь, восстанавливали?

Может, и делал – сам не замечая того.

– Возможно. Не знаю.

Починка мелких предметов... ничего сексуального. Новые горизонты вроде путешествий между измерениями, власти над молниями и вызова патрона так и не открылись ему. Жизнь

безжалостно лишала Квентина иллюзий относительно себя самого. Отнимала их одну за другой, срывала как мокрые тряпки, оставляя его нагим и дрожащим, но он не собирался умирать от гипотермии. Не сексуально, зато реально. В постфиллорийской жизни фантазии ему не нужны. Отказавшись от мечты, он наконец-то поймет, что в жизни есть не только она, и научится ценить простую, грубую повседневность. За последнее время он много узнал о себе, и в знании этом, хотя и болезненном, присутствовал элемент облегчения. То, чего он боялся всю свою жизнь, при ближайшем рассмотрении оказывалось не таким уж и страшным – а может, он сам оказался крепче, чем всегда думал.

Из физиков его, во всяком разе, не выгонят. Что такое ремонт мелких вещей, как не физика.

– Все, свободны, – сказала Перл. – Фогг, возможно, даст вам группу мелкой починки на первом курсе.

– Очень может быть, – согласился Квентин.

Глава 3

Они как в воду глядели.

Квентин надеялся, что учительская карьера принесет ему удовлетворение. Удовольствия от нее он не ждал, но получил и его в виде бонуса.

Пять дней в неделю, в девять утра, он становился перед своими студентами с мелом в руке, видя на их лицах ужас, полное оупение, скуку – ничего более. Должно быть, он и сам в студенческие годы так выглядел. Будучи одним из многих, ученик склонен забывать, что профессор хорошо его видит.

Первая его лекция не имела успеха. Квентин заикался, повторялся, терял нить и замолкал, пытаясь вспомнить, к чему он, собственно, вел. За свою пару он намеревался охватить десять пунктов, но из боязни слишком рано закончить растянул первый на полчаса и проделал галопом девять оставшихся. Учителству, как и всему на свете, следовало учиться.

Постепенно, впрочем, ему стало ясно, что он по крайней мере знает, о чем говорит. Не особенно удачливый в жизни и в любви, он тем не менее обладал обширным запасом практических сведений в области сверхъестественного; требовалось всего лишь переложить эту информацию из своей головы в головы первокурсников, делая это должным порядком. На правление волшебным королевством не очень похоже, но Филлори, признаться, в нем не так уж нуждалось и управлялось большей частью само собой. Другое дело эти ребята: без него они потонут в магической азбуке. Им он был нужен, и сознавать это было приятно.

Помогало и то, что он теперь знал свою специальность. Он всегда считал себя неплохим магом, но в расплывчатом смысле, и лишь теперь понял, для чего приспособлен. Стоило дать Квентину что-нибудь сломанное, оно приходило в себя, как после дурного сна, и вспоминало, чем было раньше. Безнадёжно разбитая кофейная чашка обретала былую уверенность. «Я не всегда была такой, нет! – будто бы говорила она. – У меня была ручка, и я удерживала жидкость в себе, не проливая ничего на пол».

Небольшая помощь со стороны Квентина, и она снова делалась прежней. Он уже и забыл, как любит колдовать, даже по столь мелким поводам. Чародействуя, ты как будто находишь слова, которые всю жизнь вертелись на языке, не даваясь тебе – и вдруг вспомнились. Правильное заклинание вызывает точно такое же чувство: вот что я имел в виду, вот что хотел сказать. От него требовалось только объяснить это ученикам. Предполагалось, что он, как штатный преподаватель, должен также вести исследовательскую работу, но темы для нее он пока не нашел и ограничивался преподаванием. Пять дней в неделю: лекция в девять, практические занятия в два.

Профессорская жизнь Брекбиллса, в которую он параллельно входил, от студенческой отличалась не так уж сильно. Домашнюю работу он больше не делал, зато готовился к лекциям, и хорошо – чем еще заниматься по вечерам? Со студентами он, как и положено, вне учебных часов не общался, а коллеги, намеренно или нет, пока что предоставляли его самому себе.

В Брекбиллсе, по слухам, завелось привидение. Фогт лопался от гордости, хотя сам не видел его и непонятно было, кто видел. Во всех старых европейских колледжах они якобы имелись, и школа магии без своего привидения там должным образом не котирировалась. Библиотека так и не изжила свои проблемы после давнего эксперимента с летучими книгами: отдельные экземпляры в дальних углах хранилища приобрели автономию и начали размножаться. Студенты испытывали шок, наблюдая акты зачатия. Отпрыски художественных книг, предсказуемо вторичные, варьировали родителей, потомки научных получались невероятно занудными, наибольшую жизнеспособность демонстрировали гибриды. Библиотекарь считал, что книги просто неправильно подбираются в пары, и предлагал вязать их насильственно. Тайное

заседание библиотечного комитета относительно этичности подобной книжной евгеники было бурным, но ни к чему не пришло.

Квентин погружался в густую успокоительную атмосферу Брекбиллса заново, как тонущая в меду пчела. Иногда он ловил себя на мысли, что неплохо бы остаться здесь навсегда – и, возможно, остался бы, если бы не внезапная смерть отца.

Квентина, который давно не чувствовал себя близким ему и почти не вспоминал ни о нем, ни о матери, это застало врасплох. Ему как-то в голову не приходило, что отец может умереть. Жил он неприметно и ушел из жизни с той же фирменной неприметностью: скончался от удара во сне. Даже маму умудрился избавить от пробуждения рядом со своим остывающим телом: она вела художественный курс в Провинстауне, и покойника обнаружила уборщица, украинка-католичка, подготовленная к таким событиям куда больше, чем мама. Случилось это в середине октября, месяца через полтора после возвращения Квентина в Брекбиллс. Новость ему сообщил декан Фогг, получив ее по единственному в колледже древнему телефону.

Квентин похолодел, уяснив смысл сказанного – но смысла в этом не было никакого. Все равно как если бы отец объявил, что стал барабанщиком-марьячи и намерен участвовать в параде Синко де Майо². Не может он умереть! Это совершенно не в его стиле.

Фогга разочаровала реакция Квентина. Он, как видно, ожидал большего драматизма, и Квентин охотно бы разыграл эту драму, если бы знал, как. Не рыдать же, в самом деле, не рвать на себе волосы, не проклинать пброк, слишком рано обрезавших нить жизни усопшего. Он попросту не мог все это изображать и не понимал, почему не может. Подобающие случаю чувства, как видно, заблудились в пути из мест своего обитания. Лишь когда Фогг, предложив ему взять неделю отпуска, тактично ушел, Квентин немного оттаял и помимо растерянности почувствовал еще кое-что. Не горе, нет: злость. На отца, который вдруг взял и умер? На Фогга, принесшего ему эту весть? На себя за то, что не способен как следует горевать?

По правде сказать, между ним и отцом никогда еще не было такой близости, как теперь – даже в детстве. Семейные снимки с маленьким Квентином любой суд принял бы как доказательство, что у Колдуотеров была хорошая, любящая семья, но Квентин не узнавал ребенка на этих снимках, не помнил, что когда-либо был им. Как будто его подменили в младенчестве. Права была пуговица: напрасно он не зашел домой, получив такой шанс.

Он поймал Фогга на слове и отпуск взял. Ему это не нужно было, но мама, вероятно, нуждалась в поддержке. Укладываясь, Квентин поймал себя на том, что скрежещет зубами в приступе паники – он ведь и на людях не сумеет проявить чувства, которые от него ожидают. Делать нечего; он дал себе слово, что ни при каких обстоятельствах ничего не будет изображать – может, тогда все пройдет не так уж и плохо.

Потом он увидел маму и вспомнил, что с ней, несмотря на отсутствие той же близости, всегда хорошо ладил. Она стояла на кухне с шариковой ручкой, опершись на гранитную столешницу – составляла, очевидно, какой-то список. Видно было, что она только что плакала. Квентин поставил дорожную сумку, и они обнялись. Она заметно пополнела с их прошлой встречи, и у него создалось ощущение, что она мало с кем говорила после случившегося. Он сел рядом на табуретку.

– Сейчас придут теннисные девочки, – сказала она.

– Это хорошо.

Теннисные девочки – Китси, Молли и Рослин – были лучшими мамиными подругами. В теннис они давно уже не играли, если вообще когда-нибудь это делали, но Квентин знал, что мама может на них положиться.

² Национальный праздник Мексики в честь победы мексиканских войск над французами в битве при Пуэбле 5 мая 1862 г.

– Я так и не закончила стенку в ванной, – вздохнула она. За окном гигантским зубом висела сосулька – в реальном мире был январь. – Ему не понравилось бы, я знаю. Эта стенка доконала бы его, если б он сам не умер.

– Брось, мам. Никто еще не умирал от рисунков на стенах.

– У меня там маленькие пальмы. Я их прятала от него за той старой японской ширмой – чтобы увидел, когда уже поздно будет. – Она сняла свои большие очки, как дайвер маску после глубокого погружения, и потерла лицо. – Теперь точно поздно. Я ни одного его пароля не знаю, представляешь? Ключи не могу найти, чтобы попасть в подвал! – Она посмотрела на часы и вздохнула. – Не надо было их звать. Первый вдовий урок: никто не знает, как с тобой говорить. Раньше знали, а теперь нет.

– Теннисные девочки знают. – Квентин сжал ее руку. – Я верю в них.

Он действительно верил. Эти тетеньки были кладезем светских навыков, применимых к среднему американскому классу. А ключи он найдет с помощью заклинания – может, и пароли разгадает, но это уже сложнее.

Его проблемы с родителями коренились отчасти в том, что они не знали, кто он на самом деле. Это не их вина – он сам не рассказывал. Мама считала своего сына благополучным, но не особо успешным инвестиционным банкиром, специалистом по сделкам с недвижимостью, и понятия не имела, что магия – вещь реальная. Как и отец.

Квентин мог бы сказать им. Раскрытие информации в волшебном мире строго преследуется, но для родителей, супругов и детей старше четырнадцати может быть сделано исключение. Мог бы, но не решился, страшась соприкосновения двух миров: упорядоченной супружеской идиллии с неуправляемой волшебной стихией. Боялся, что оба мира взорвутся, как при контакте материи с антиматерией. Может, это умолчание, этот недостаток доверия и разлучили его с родителями. Может, он недооценивал их.

Всю неделю отпуска Квентин с матерью болтались, как две костяшки в стакане, в честертонском особняке. Дом для незнаменитого художника и редактора учебных пособий был просто огромен; родители купили его на деньги за бруклинский дом, проданный как раз в нужный момент. Дел у матери с сыном было по горло. Смерть – это экзистенциальная катастрофа, прореха в мягкой обшивке, которой человечество защищается от беспощадной вселенной. Просто удивительно, сколько народу кормится за счет подобных трагедий и сколько времени и денег требуют их услуги. День приезда Квентин провел у телефона, разложив перед собой мамины кредитные карточки. Она наблюдала за ним удивленно и недоверчиво. Последнее время они так редко виделись, что она все еще представляла его в виде застенчивого подростка. Высокий уверенный мужчина, предлагавший ей на выбор список урн, меню для поминок и расписание похоронных лимузинов, ее озадачивал.

Вечером они заказали еду на вынос, сыграли в скрэбл, посмотрели телевизор под сономское шардоне, которое закупалось ящиками. Квентин прокручивал в уме сцены из детства. Вспоминал, как отец учил его ходить под парусом на мелком, коричневом нью-гэмпширском озере и забирал из школы, когда ему стало плохо на физкультуре. В двенадцать он крупно поругался с папой из-за того, что тот не пустил его на шахматный турнир в Тарритауне. Квентина впервые квалифицировали в группу младше пятнадцати, и ему очень хотелось поехать. Странно, что отец никогда не поощрял академических достижений своего сына: гордиться должен был, разве нет?

Потом мама легла, а Квентин пошел в кабинет отца, комнатку с белыми стенами, пахнущую как новостройка. Колесики папиного кресла прочертили две дорожки на новеньком блестящем паркете.

Квентин, слегка захмелевший от шардоне, знал, что ищет: ему очень хотелось перестать злиться, сложить свою злость в какое-нибудь безопасное место. Он сел в отцовское кресло и стал крутиться, как маячный прожектор. Книги, папки, окно, выключенный компьютерный

монитор. Свет уличных фонарей припорошивал все оранжевой пылью. Именно тогда Квентин впервые подумал, что отец, возможно, был не тем, кем казался. Что он был магом.

Наутро, когда мать уехала в «Хоул-Фудс» за продуктами, Квентин снова вошел в кабинет и сел в кресло.

Он понимал, что уже староват для таких вопросов. Обычно дети задают их себе в подростковом возрасте, но в ту пору фокусы и прочая магия интересовали Квентина куда больше личных проблем. А жаль. Кто, как не отец, должен учить тебя жизни?

Папа Квентина, хороший вроде бы человек, ничего такого не делал. Он показывал только, как надо идти по жизни, как можно меньше беспокоя вселенную. Как собрать коллекцию фильмов с Джеффом Голдблумом³ на «Блурей», самую полную после коллекции самого Джеффа Голдблума.

Не везло Квентину и с ролевыми фигурами. Он не нашел отца ни в декане Фогге, ни в Маяковском, ни в Эмбере, божественные. Мудростью они, безусловно, обладали, но как-то не рвались ей делиться. А может, просто не хотели быть для него отцами, поскольку он не устраивал их как сын.

Квентин попытался вообразить, каким хотел бы видеть отца. Блестящим. Вдумчивым. С чувством юмора. Нестандартным, даже эксцентричным порой, но надежным в трудный момент. Настоящим мужиком, ломающим мир под себя. Отцом мага, способным разгадать призвание сына и гордиться этим призванием.

Ничего этого в реальности не было. Одна жена, один сын, ни одного хобби. Возможно, легкая клиническая депрессия, от которой он лечился работой. Не все ведут двойную жизнь, но отец Квентина и одинарную вел еле-еле. Как мог такой человек произвести на свет мага? Ответ прост: он только притворялся таким. Пользовался легендой, как многие маги.

Квентин методически осмотрел кабинет в поисках доказательств. В надежде, что отец оставил сыну наследство, которым по каким-то причинам не захотел делиться при жизни.

Начал он с папок в картотеке: магия находит в бумажных документах ключевые слова, как компьютеры в цифровых. Скрытых шифров не нашлось, да он и не думал найти их.

Покончив с очевидным, он занялся поисками всерьез. Проверял светильники, щупал диванные подушки, приподнимал ковры. Заглянул с помощью чар в стены и под половицы, посмотрел за картинами. Нашел в результате старую библиотечную книжку со слабыми антиворовскими чарами, наложенными кем-то другим и, видимо, не сработавшими. И пропавшие ключи, которые завалились в диван.

Мебель? Нет. Никаких тайников наподобие полых ножек. Квентин перебрал все книги на полках. Иногда ему казалось, что он видит какой-то код, но все тут же растворялось и утекало сквозь пальцы, как золото эльфов. Насколько темны были отцовские чары, если он так старательно маскировал их? Почему не хотел, чтобы сын привлекал к себе внимание? Какая злоеющая судьба ожидала Квентина в Тарритауне? Что означает банджо без струн в углу? Откуда эта непонятная одержимость Джеффом Голдблумом?

Чем дольше Квентин продолжал обыск, тем сильнее чувствовал незримое присутствие отца в его настоящем облике. Он включил компьютер, и получасовая криптоманья вкуче с научным тыком расколола пароль («затерянный мир» – в главной роли Джефф Голдблум)! Квентин проверил директорию – все чисто, как стеклышко. Ничего скандального. Ни дневника, ни стихов, ни любовниц, ни финансовых пирамид. Порнушки и той нет – ну, почти.

Квентин не был хакером – не успел обучиться нужным навыкам в черной технической дыре Брекбиллса, – но зачатками электромагнитной магии все же владел. Он углубился в кремниевое компьютерное нутро, нащупывая призрачными пальцами любую странность, любое

³ Американский актер. Наиболее известны его роли в фильмах «Муха», «День независимости», «Парк Юрского периода».

несоответствие. Не может быть, чтобы совсем ничего не нашлось. Отец должен был хоть что-то ему оставить.

Ну давай же, папа. Помоги хоть немного. Папа... этого слова Квентин не произносил уже двадцать лет, даже мысленно.

На минуту он прервался и посидел просто так, окруженный тишиной зимнего пригорода. Руки дрожали. Где же оно, папа? Что-то должно быть. Ты должен был оставить мне что-то. Так всегда бывает: отец не хочет посвящать сына в страшную тайну, опасаясь за его безопасность, и лишь после смерти открывает ее.

Искомое Квентин нашел не в компьютере, а в одном из шкафов: красную коробочку с каталожными карточками, засунутую за коробку с устаревшей электроникой и проводами загадочного вида – с тем, что рука не поднимается выбросить. Он перебрал карточки одну за другой: незнакомые имена, колонки цифр, плюсы и минусы. Шифр, обещающий невероятно много, если его взломать. И он взламывает. Докажет, что достоин завещанного.

Секрет раскрылся минут через десять. Никакой это был не шифр, а записи давнишних игр в гольф. Квентин отшвырнул коробочку, раскидав карточки по ковру.

Страшная правда заключалась в том, что отец был как раз тем, кем казался. Не магом. Заурядным отцом, который даже единственного сына не способен любить. У Квентина никогда не было настоящего отца, вот и вся правда.

Не было и не будет уже. Квентин уронил голову на отцовский стол и стукнул по нему кулаком так, что подскочила старенькая клавиатура.

– Папа! – прорыдал он, не узнавая своего голоса. – Папа, папа!

Назавтра после похорон он вернулся в Брекбиллс. Ему не хотелось оставлять маму, но с подругами ей было комфортней, чем с ним. Вот и пусть заступают – он свое дело сделал.

Мама отвезла его в аэропорт. Простившись с ней, он спустился в гараж, который все еще строился, сел там в лифт и поднялся на верхний, совершенно пустой этаж. Там, под плоским белесым небом, для него открылся портал – шипящее кольцо белых точек, соединенных белыми линиями. Войдя в него, он очутился в родимом кампусе. Дома.

Чувствовал он себя при этом совсем не так, как неделю назад. Как будто после жесточайшей горячки с ним произошел кризис, оставив его слабым, едва живым, но очищенным от токсинов. Смерть отца произвела в нем перемену из тех, после которых возврат к прошлому уже невозможен. Папы больше нет, и это больше не его дом. Пора двигаться дальше.

Когда он зажег в своей комнате свечку с помощью простейших чар, которые уже тысячу раз проделывал, ему вдруг показалось, что она горит ярче и жарче обычного.

Он задул ее, зажег снова. Сомнений нет: его магия тоже стала другой. Свеча пылала, темнота сместилась к фиолетовому концу спектра, сила приходила легко, наполняя громким зудом кончики его пальцев.

Он рассматривал свои новые, освобожденные руки. Теперь он по-настоящему один, и никто ему не поможет, кроме него самого. Раньше он подсознательно сдерживал некоторую долю своей магической силы, теперь это прошло.

Квентин спал без сновидений и проснулся от постороннего звука, словно мышшь скреблась в комнате. Он зажег лампу. Звук шел из письменного стола, от листка бумаги, который он поймал в нигделандском воздухе, сунул в карман, потом спрятал в ящик и совсем о нем позабыл. Теперь смятый листок тоже проснулся и стал разглаживаться.

Когда Квентин открыл ящик, листок вырвался на свободу. Сложенный теперь втрое на манер делового письма, он вспорхнул, сложился самолетиком и стал кружить над головой Квентина, как ночной мотылек вокруг лампы. Как память об иной жизни и об ином мире, не желавшая оставаться в забвении.

Глава 4

Даже не взглянув на листок, Квентин спрятал его обратно, прижал пресс-папье, запер ящик и придвинул к нему для верности стул. Потом лег и голову подушкой накрыл: утром лекция. Ящик он открыл только днем, после практического занятия. Листок утихомирился, но был, видимо, наготове: стоило Квентину убрать пресс-папье, он тут же взлетел опять. Квентин наблюдал за ним с долей жалости. Интересно, куда он пытается улететь? Домой, в Нигделандию?

Словив летуна, Квентин отнес его на солнечный подоконник и придавил все четыре угла подсвечником, будильником, винным бокалом и окаменелостью из недр письменного стола. Листок признал свое поражение и больше не трепыхался. Стало видно, что он исписан мельчайшим почерком с обеих сторон – чернила черные, но отдельные слова выделены красным. Серьезный текст, сразу видно. Бумага тоже не простая – не целлюлозная, которая со временем распадается из-за содержащейся в ней кислоты, а тряпичная, практически вечная.

Несколько букв по краю отрыва пропало. Наклон придавал почерку целеустремленность – слова напоминали пороховую дорожку, ведущую к неким взрывным открытиям. Тот, кто писал это, знал, о чем говорит. Квентин видел в тексте таблицу чисел с большим количеством десятичных знаков; зарисовку растения с ровными рядами листьев и пустым семенным стручком; диаграмму с концентрическими и пересекающимися овалами и кругами – то ли схема атома, то ли Солнечная система.

Страница начиналась на середине одного предложения и кончалась на середине другого.

Присмотревшись внимательнее, Квентин различил легкое колыхание листьев растения и медленное вращение по орбитам планет (электронов). В том же темпе менялись числа в таблице.

Сначала он не мог разобрать ни слова, но вскоре с облегчением опознал язык как вульгаризованную разновидность древнегерманского, а письмо – как весьма эксцентричный готический шрифт. Слова он еще не до конца понимал, но мотив уже мог напеть.

Дальше стало труднее. Текст был абстрактный, чисто теоретический, с сильно разреженным концептуальным воздухом. Что-то насчет взаимодействия магии и материи на квантовом уровне. Порой было сложно разобрать, где там буквальный смысл, а где переносный: петух, скажем, мог быть как алхимическим символом, так и обычной кукарекающей птицей. Поди разбери, если контекст так скуп.

Опять-таки это растение. Надо будет сходить в теплицу (в Ботани-Бей, по предсказуемому студенческому выражению) и показать рисунок профессору Бексу.

Так и не перевернув страницу спустя три часа, Квентин протер ноющие глаза. Ужин он пропустил, но мог еще поесть с поварами на кухне. Одно ясно: это фрагмент нигделандской магической базы данных, управляемой бандой Пенни. Суперплотный метеорит из внесолнечной интеллектуальной области, содержащий бог весть сколько взвешенных химических элементов.

Вот, однако, и тема для исследования, с которым постоянно пристает к нему Фогг. И в каком-то смысле новое приключение – ботанское такое, не сравнить с филлорийскими, но тем не менее.

– Спасибо тебе, – сказал Квентин чудесной странице. – Я позабочусь обо всем, что в тебе есть. Обещаю.

Почудилось ему или страница действительно слегка шевельнулась, довольная таким к себе отношением? Он поочередно убрал подсвечник, бокал, будильник. Как только он поднял окаменелость, страница тут же попыталась протиснуться в щель на оконной раме.

– Э нет. – Квентин снова прижал ее подсвечником. – Извини, конечно, но не сейчас.

Одна из сторон его жизни в Брекбиллсе, а именно социальная, все еще оставалось далекой от идеала, то есть не существовала вообще. В свои почти тридцать он все-таки был намного моложе большинства преподавателей и до сих пор не нашел с ними общего языка. Возможно, они считали (и правильно), что он недостаточно почтительно к ним относится. Возможно, полагали, что он здесь ненадолго и общаться с ним вряд ли стоит. Он, как нижний тотем на столбе, не имел никакого веса в византийской политике гостинной для преппосава – а может, его попросту невзлюбили. Бывали такие случаи.

Так или нет, на его долю всегда выпадали самые неприятные поручения. Например, судить вельтерские матчи в сырую погоду и расставлять сети нуднейших чар, чтобы студенты не шастали по колледжу после отбоя. (Делая это, он понял, что мог не бояться быть пойманным, когда сам был студентом. Чары были такие хлипкие и вызывали ложную тревогу так часто, что на сигналы почти никогда не обращали внимания.)

В Ботани-Бей он отправился на следующий день сразу после занятий, не питая слишком больших ожиданий. С Хэмишем Бексом он ни разу не разговаривал и не знал, что он за человек. С одной стороны, этот афроамериканец родом из Кливленда был довольно молод по брекбиллским стандартам, лет тридцати пяти, с другой – невероятно претенциозен: одевался в шотландский твид и курил трубку в виде головы турка. В реальном мире он единственный из знакомых Квентина носил брюки-гольф; из-за всего этого раскусить его было трудно, чего он, вероятно, и добивался.

По крайней мере, Квентин наконец-то нашел предлог побывать в оранжерее, изящном викторианском сооружении из стекла и металла, казавшемся слишком хрупким для северо-восточной зимы. Внутри этого теплого пузыря, на влажном цементе, содержались в горшках растения всех форм и размеров. Профессор Бекс, крепкий и коренастый, проявил к Квентину столь же мало интереса, как и остальные коллеги, и был явно недоволен, что ему помешали: он стоял, запуская руки по локоть в глиняную кадку с землей. Но тут Квентин раскрыл бархатный футляр, и страница тут же выскочила наружу, как серебристая рыбка из невода.

– Живая, – одобрительно молвил Бекс, зажав в зубах трубку. Он вытер руки тряпкой и с помощью заклинания, которое Квентин не успел отследить, зажал страницу в воздухе, как между двумя листами стекла. Высокотехническая магия, не совсем для ботаника. – Далеко же от дома ты забралась. Откуда она у вас?

– Если скажу, вы все равно не поверите. Узнаете это растение?

– Нет. Оно реальное? Зарисовано с натуры?

– Понятия не имею. Может, вы скажете?

Профессор Бекс рассматривал рисунок минут пять – сначала близко, чуть не носом в него уткнувшись, потом с расстояния в один ярд, потом через всю комнату, для чего ему пришлось передвинуть стол, уставленный рассадой в кассетах из-под яиц. Потом вынул изо рта трубку и сказал:

– Сейчас я произнесу слово, вам незнакомое.

– Слушаю.

– Филлотаксис.

– Я его точно не знаю.

– Это термин, обозначающий расположение листьев на стебле. На первый взгляд оно хаотично, в действительности представляет собой математическую последовательность. Обычно Фибоначчи, иногда Люкб. Листья этого растения не подчиняются ни той, ни другой – значит, перед нами весьма экзотический экземпляр.

– Или неверный рисунок.

– Да, если следовать бритве Оккама – но... Существоющее в природе растение не так-то просто неверно зарисовать. Уверены, что не хотите сказать, откуда оно?

– Хотел бы, да не могу.

– Ну что ж. Сопроводительную хрень уже прочитали?

– Работаю над этим.

Бекс освободил страницу и поймал, не дав ей упасть. Его она слушалась лучше, чем Квентина.

– А не выпить ли нам?

Единственным возможным ответом был утвердительный. Бекс достал стограммовую бутылочку виски из-за горшков, где, как видно, спрятал ее, когда вошел Квентин.

Так сломался незримый барьер между Квентином и его коллегами – во всяком случае, одним из коллег. Выяснилось, что Хэмиш в учительской гостиной популярен не больше Квентина – если за одним из них числился какой-то неведомый грех, то же относилось к другому. Их объединяла общая радиоактивность. Квентин стал регулярно заходить в теплицу после дневных занятий, чтобы клюкнуть с Хэмишем перед ужином.

Бекс посвятил его в кое-какие тайны. Удивительно, как много из бывших студенческих легенд оказалось правдой! Взять хоть тот отрезок глухой стены с штукатуркой немного светлее, чем во всем коридоре: на самом деле там помещалась не вентиляционная шахта. Студенты 50-х установили у себя в комнате кубическое температурное поле – пиво охлаждать вроде бы. Потребив некоторое количество этого пива, они перепутали пару символов и опустили температуру до абсолютного нуля; в результате поле оказалось таким стабильным, что убрать его никто не сумел. На расстоянии оно безобидно, но если вступишь в него, умрешь, не поняв даже, что с тобой приключилось. Говорят, один из создавших его студентов лишился руки таким образом. В конце концов поле просто огородили, и отмерзшая рука будто бы так и лежит там внутри.

Правда и то, что одна шестеренка в башенных часах отлита из серебряного тела Белостокского Голема. Если попытаешься написать на доске смешную анаграмму Брекбиллса (Билл скреб), мел будет пищать и визжать. На стене за кухней не растет плющ, потому что один камень там проклят: некий студент умудрился обойти правило, запрещающее принимать в колледж социопатов и прочих не годящихся в маги лиц. В сырые дни из этого камня сочится кислота.

Кроме шести явных фонтанов, есть и седьмой, потайной. Он находится под землей, и пройти к нему можно через дощатую дверцу садовой будки. Спрятан он потому, что в нем водится зубастая рыба вроде пираньи.

Квентин узнал также, как переделывают Лабиринт: каждый год, в июне, смотритель наводит на древесных зверей неутолимый голод, и они поедают друг друга – а Лабиринт потом восстанавливается из остатков этого вегетарианского холокоста. Выживают сильнейшие, самые высокоорганизованные из древесных зверей на Земле.

Квентина удивляла быстрота, с которой он приспособился к своему новому миру. Живуч все-таки человек. От короля до учителя, от волшебного космоса Филлори до убогой школьной каморки – и посмотрите-ка на него. Лет, проведенных в Филлори, как будто и не бывало. Только он на всей Земле знал, что раньше носил корону и восседал на троне. Нельзя же горевать вечно. То есть можно, конечно – но, как выяснилось, есть занятия и получше.

Расхаживая между рядами и созерцая затылки студентов, склоненных над осенними письменными работами, он понял, что потерял свое двойное зрение, что больше не видит за этим миром какие-то другие миры. Оно было при нем, сколько он себя помнил, а ускользнуло так, что он даже и не заметил. Он становился кем-то другим, чем-то новым.

Дико было думать, что другие по-прежнему ездят охотиться, устраивают приемы, собираются каждый полдень в высочайшей башне Белого Шпиля. Что Джулия занимается бог весть чем на Той Стороне. К нему это больше отношения не имело. Это, как выяснилось, была не его история, а всего лишь временное отклонение, которое он в должное время исправил.

Временами он, правда, еще искал на небе четко прорисованный филлорийский месяц. Здешняя луна по сравнению с ним выглядела бледной и потертой, как старая монета.

Здесь, всего в ста милях севернее Манхэттена, зимы были куда холодней, глубже, решительней, чем в Нью-Йорке. Брекбиллская зима, наступая на три месяца позже обыкновенной, отменяла все взлеты и посадки всерьез. В реальном мире настал февраль, когда птицы и растения начинают проявлять умеренный оптимизм, но Брекбиллс тонул в ноябрьских снегах полторафутовой глубины.

Сам став учителем, Квентин понял, почему препсостав никогда не пытался улучшить брекбиллский климат: он хорошо помогал сосредоточиться на учебе.

Поначалу студенты скакали по снегу и подкидывали его вверх блестящими облаками, но это им быстро надоедало. Квентин видел воочию, как радость и полнота жизни сменяются унылой зубрежкой. Кто-нибудь из профессоров время от времени предлагал продлить зиму на весь учебный год, но до этого пока еще не дошло.

Квентин тоже занимался наукой. Он насчитал на загадочной странице двадцать предложений (плюс еще два некомплектных в начале и конце) и 402 слова. Выписал каждое слово на отдельный листок и оклеил ими свою комнату; слова, чем-то связанные между собой, соединялись длинными меловыми линиями. Он буквально жил внутри этой страницы, и ее расшифровка поглощала все его свободное от занятий время. Математические вычисления он производил карандашом на бумаге. На компьютере магические уравнения не решишь: он будет просто выплевывать бессмысленные ответы, пока окончательно не зависнет. Тут требуется мозги приложить.

Его усилия не пропали даром: страница понемногу раскрывала мысли, заложенные в словах, как в бутонах. Они разворачивали перед Квентином скрытые измерения, взаимодействовали между собой самым неожиданным образом и предлагали ключи к разгадке куда более таинственного, обширного целого, то есть книги, откуда эту страницу вырвали. Это был, по всей видимости, трактат о связях между магией и материей.

На Земле эти понятия существуют раздельно: объект можно заколдовать, но он так и останется частицей материи, а чары – частицей магии. Как если бы брусок металла получил магнитный заряд. Но в Филлори, как знал (по крайней мере, подозревал) Квентин, магия и материя суть одно и то же. Магия существует и на Земле, но Филлори есть магия сама по себе: в этом и состоит фундаментальная разница между ними.

Теория, однако, не была сильной стороной Квентина. Он, так и оставшийся в душе физиком-практиком, задавался вопросом, можно ли – в правильных условиях и при достаточном количестве энергии – сделать волшебной земную материю. Напитать ее магией, спаять воедино без швов, как в Филлори. Крамольная мысль, на грани запретного, но слишком заманчивая, чтобы не попытаться по крайней мере. Квентин реквизировал заброшенную подвальную лабораторию, но даже его обновленных способностей не хватало, чтобы перенести изящные абстракции с заветной страницы в вещественный мир. Он либо терпел полный крах, либо высвобождал огромный сгусток энергии, наполнявший комнату льдисто-голубым светом и едва не сдувавший противоиспарительные защитные чары. Для обеспечения безопасности он заключал экспериментальные образцы в плотные, клейкие, полупрозрачные силовые пузыри, не видя толком, что там внутри происходит. И что бы он стал делать, если бы опыт оказался удачным? Что толку в волшебных предметах, если они не служат определенной цели? Это все равно что ответ, к которому надо еще подобрать вопрос. Не мальчик уже, пора подумать о создании чего-то полезного – вот только чего?

Как-то вечером, стоя один в преподавательской гостиной с первым бокалом вина, Квентин достал из кармана филлорийские часы – они так и не пошли, но ему нравилось носить их с собой. Вместе с ними вынул какой-то конверт. Письмо, напечатанное на пишущей машинке, с изысканной учтивостью приглашало Квентина прибыть в такой-то книжный магазин такого-

то марта: ему хотят предложить работу, которая, возможно, заинтересует его. Подпись словно птичьей лапой накарябали.

Так-так! В нем ожили былые стремления. Еще одна тайна, требующая разгадки. Классический пропуск в приключение, как бывало.

Именно что бывало. Все в прошлом. Он вполне доволен своей настоящей жизнью – даже счастлив, можно сказать. И у него уже есть работа. Квентин бросил письмо в огонь. Прошлое позади. Его дом здесь, а все остальное – фантазия.

Глава 5

Элиот хмуро разглядывал лорианского чемпиона. Боец, поперек себя шире, принадлежал к другому этническому типу, чем большинство его соотечественников. Лорианцы, как правило, настоящие викинги: рослые, блондинистые, бородатые, подбородок кирпичом, грудь колесом, а у этого рост от силы пять футов шесть дюймов, голова бритая, лицо как у Будды (или как суповая клецка). Не иначе азиатская ДНК примешалась. Гол до пояса, хотя на дворе не жарко, кожа цвета кофе с молоком маслянисто блестит (хотя он, может, просто вспотел).

Круглое пузо чемпиона нависало над поясом, но в целом этот парень достаточно устрашал. На спине тугой полумесяц мышц, руки как ляжки, и бицепсы неслабые, судя по их объему. Оружие его, не совсем обычное, представляло собой шест с остро заточенным косым крестом на конце, и все как-то сразу чувствовали, что боец способен нанести им немалый урон.

Когда он вышел вперед, лорианцы загрохали мечами по щитам. Вот, мол, смотрите: пусть он малость смешон, но вашего точно завалит, а посему тройное ура в честь его и Крома, или как там зовется наш бог. Не такие уж они, выходит, моноэтнические, но филлорийского поединщика их боец все равно не завалит, поскольку филлорийский поединщик – это сам Элиот.

Вопрос, стоит ли выставять верховного короля против первого силача лорианских захватчиков, вызвал немало споров, но Элиот, движимый как тактическими, так и личными мотивами, уже принял решение. Королевскую карьеру он начал в довольно декадентском, не сказать порочном, ключе, но постепенно вошел в роль и стал относиться к ней все серьезнее. Пришла пора показать всем, включая себя самого, что он король не понарошке, а по сути своей. Пустить, буквально и публично, кровь из носу.

Он выступил из своих рядов, где, разумеется, тоже подняли шум. Молодцы ребята. Элиот улыбнулся – кривовато из-за дефектной челюсти, но непритворно. Нет во вселенной большего счастья, чем слышать, как приветствует тебя твой королевский полк, в котором помимо людей воюют и нелюди. В верхнем регистре – ультразвуковой посвист эльфов; для них эти военные дела одна глупость, однако они все же участвуют по той самой причине, по которой все остальное делают: для прикола. Нетопыри пищат, птицы галдят, медведи ревут, волки воют, конеглавы – пегасы, единороги и обычные говорящие лошади – ржут, естественно. Грифоны и гиппогрифы тоже галдят, но ниже, в баритональном тембре – кошмарные звуки. Минотавры мычат, существа с человеческими головами – единственные, кого Элиот до сих побаивается – вопят. Сатиры с дриадами еще ничего, а вот мантикоры и сфинксы хоть на кого жуть нагонят.

И так далее, вплоть до нижнего великанского регистра, басов и топота. Глупо, конечно: выставил бы своим бойцом великана, и тот мигом трансформировал бы квадратного лорианца в лепешку. Впрочем, это было бы неизящно.

Весть о лорианском вторжении даже как-то взбодрила Элиота. Созываем знамена, выступаем на войну! Вспоминались древние протоколы и формулы. Оружие, доспехи, сбрую, флаги – боевые, а не парадные – извлекали из кладовых, чистили, полировали и смазывали. Походное снаряжение пахло, кроме пыли, легендарными победами и славными подвигами. Элиот упивался ароматом эпической старины.

Вторжение было весьма неожиданным. Лорианцы во все времена вели себя хуже некуда: похищали принцев, выгоняли говорящих лошадей на пахотные работы, навязывали всем своих псевдонордических богов, но при этом уже много веков не вторгались в пределы Филлори. Междоусобные стычки не позволяли им достигнуть требуемого для этого уровня организованности.

Предполагалось также, что Северные горы заколдованы против нашествия. Когда вся эта заваруха кончится, надо будет разобраться, почему не сработали чары.

Элиот сразу же выступил навстречу врагу, но перспектива смертного боя не очень его вдохновляла. Это ж не Толкин все-таки: сражаться предстояло не с орками, не с троллями и не с гигантскими пауками, геноцид которых можно осуществлять без каких-либо моральных ограничений. Лорианцы, насколько известно, люди – в отличие от тех же орков, не имеющих биографии, жен и детей, – и убивать их нельзя. Некоторые даже и собой вполне ничего. При том книги Толкина – это вымысел, а Элиот, как верховный король Филлори, не имеет ничего общего с сочинительством. Ему и с фактами хватает проблем.

Ох, непростое это дело, отражать супостата. Опыт – довольно ограниченный, надо признать – говорил Элиоту, что благородство очень скучная штука.

Все преимущества, к счастью, были за филлорийцами. Они превосходили врага во всех отношениях. Лорианцы – это банда ребят с мечами, а филлорийцы – «Чудовищная книга о чудовищах» в живом виде, и возглавляют их правители-чародеи. Извините, конечно, но думать надо было сначала, а потом уж вторгаться.

Вражеское войско, однако, было велико и ущерб чинило немалый – это они умели. На филлорийскую землю они вторглись поздней весной через Злопамятный Проход. В стальных шлемах, кольчугах, с зазубренными в былых сражениях мечами и топорами, кое-кто на больших косматых конях. Вторглись и тут же совершили оплошность: подожгли лес вкупе с ближним хутором и убили отшельника.

Дженет, и та удивлялась гневу Элиота. Сама она тоже в ярость пришла, но чего же вы хотите от Дженет. Поппи и Джош, те просто помрачнели, но Элиот прямо-таки из себя выходил. Они сожгли лес? *Мой* лес?! Убили отшельника?! В том, что касалось Филлори и филлорийцев, Элиот больше не допускал никакой иронии. Сердце его разрывалось при мысли об одиноком аскете в хижине без удобств. Элиот никогда его не встречал и вряд ли нашел бы тему для разговора при встрече, но людей тот по определению не любил и одним этим был близок своему королю. Проклятые лорианцы! Перебить их всех до последнего! Ну, не то чтобы перебить, но получают они неслабо.

Не дать ли им дойти до Северного болота, где таятся несказанные ужасы? Нет! Элиот больше ни дня не позволит им топтать свою землю. Там по дороге еще пара хуторов, спалят ведь. Он дал им только полдня, чтобы они хорошенько запылились и проголодались. Чтобы легкое начало вскружило им головы: победа за нами, ребята, займем все Филлори, так его перетак! Дал перейти через Великую Соленую реку и встретил их на том берегу, переодетый крестьянином. Он стоял посреди дороги, не шевелясь. Вражеский авангард, поняв, что он не уступит, остановился. Задние ряды поневоле сделали то же самое, и остановка волнообразно охватила все войско, примерно с тысячу человек.

Воевода, не слишком вежливо, предложил Элиоту убраться с дороги, пока его не удавили собственными кишками.

Элиот улыбнулся, потупился и дал воеводе в зубы.

– Сам катись из моей страны, говнюк этакий.

Без всякой магии, заметим себе. Он брал уроки бокса и свалил лорианца одним ударом. Враги, не ожидавшие подобной самоубийственной атаки от простого крестьянина, пришли в замешательство, и Элиот, понимая, что второго шанса не будет, взмахнул левой рукой и повалил заодно шесть первых рядов.

Приятное чувство. То же самое, вероятно, испытываешь, защищая собственного ребенка – жаль, что Квентин не видит. Элиот сбросил плащ и предстал в королевском одеянии, открыв врагу свой истинный облик. Пару стрел, пущенных сзади, он поджег на лету. Это просто, если ты хороший маг и если ты зол, а он был хорошим магом и сильно злился. Стукнув посохом оземь, он вызвал землетрясение. Вся тысяча синхронно хлопнулась на зады. Сразу такой эффект получить невозможно – Элиот готовил чары всю ночь, но откуда им было знать.

Выждав немного, чтобы лучше запечатлелось, он сделал видимым часть своего войска, стоявшего позади. Присмотритесь, любезные: существа с львиными телами – грифоны, с конскими – гиппогрифы. Их часто путают. Теперь внимание: показываю вам великанов. Из сказок не совсем понятно, насколько они ужасны. Наши, к примеру, семиэтажные. В реальности человек не может убить великана, это попросту невозможно. Все равно что повалить голыми руками семиэтажное здание.

Они еще сильнее, чем кажутся с виду: для начала им пришлось одолеть закон квадрата-куба, гласящий, что столь огромные организмы в природе существовать не могут. Кожа у них толщиной в фут. Великанов в Филлори всего пара дюжин, ибо даже наша супердостаточная экологическая система неспособна прокормить больше. На битву явились шестеро.

Войска стояли неподвижно, зато воды Великой Соленой вздыбились, как цунами, и смыли многих лорианских солдат. Элиот взял с русалок обещание по возможности не топить их, но в остальном те вольны были делать с ними, что пожелают.

Те, кого не смыло, все-таки решили сражаться, поскольку их прямо распирало от доблести. Может, у них детство было трудное – ну, добро пожаловать в клуб, не у вас одних. Сейчас мы и взрослые ваши годы сделаем трудными.

За четыре дня филлорийцы оттеснили врага обратно к Злопамятному Проходу – быстрее не получилось. Там Элиот остановился и вызвал на поединок их чемпиона. Настал рассвет. Перевал с крутыми склонами, скалами и рытвинами от талой воды создавал подобающий фон. Снежные пики, на которые, насколько знал Элиот, никто еще не всходил, розовели в лучах зари.

Стало быть, поединок. Если победит Элиот, лорианцы уйдут и больше никогда не вернутся, победит их боец (именуемый почему-то Злобным Отцом) – так тому и быть. Все равно ведь не победит.

Оба войска разделяло около пятидесяти ярдов серого, идеально ровного, плотного песка, из которого за ночь убрали все сколько-нибудь крупные камни. Стены перевала окружали арену природным амфитеатром. Элиот перед началом копнул песок ногой, как бейсбольный отбивающий.

По его противнику незаметно было, что тот готовится к величайшему в своей жизни сражению: он точно автобус ждал и даже не думал принимать боевую позу. Просто стоял, опустив свои жирные плечи и выпятив пузо. Ручищи у него были как два королевских краба.

Столь же нелепо, как он готов был признать, выглядел и сам Элиот. Тоже без доспехов, одна белая шелковая рубашка и кожаные штаны. В правой руке длинный нож, в левой короткая железная палица. Все наверняка уже поняли, что он не умеет пользоваться ни тем, ни другим. Он кивнул Злобному Отцу, тот не ответил.

Время между тем шло – весьма неловкая ситуация. Подул холодный ветер: в горах даже в мае не жарко. Коричневые соски на отвисших грудях Отца напоминали сушеные фиги, гладкая кожа пугала больше всяких боевых шрамов.

Он только что был на месте – и вдруг пропал. Магия ни при чем, просто у него стиль такой, скользить по земле как на коньках. Он уже сократил дистанцию вдвое и метил своим орудием прямо в адамово яблоко Элиота: король еле успел отклониться.

Странно, что вообще успел. Он, как последний идиот, думал, что Зео будет замахиваться шестом, как мечом. Ладно, был неправ, теперь понял: это колющее оружие. Острому кресту по всем статьям полагалось уже торчать из его затылка, блестя от спинномозговой жидкости, но вот не торчит же. Элиот мало того что оградил себя Призрачными Доспехами Фергюса, долженствовавшими спасти ему жизнь даже при смертельном ударе, но применил до кучи весь фергюсов воинский набор, увеличив свою силу, десятикратно усилив рефлексy и во столько же раз замедлив восприятие времени.

По-вашему, это нечестно? Давайте разберемся. Допустим, Зео учился убивать крестом на палке всю свою жизнь – ну, а Элиот посвятил жизнь изучению магии. Когда они с Дженет в сумрачный предрассветный час закончили устанавливать чары, он весь светился, как неоновая реклама себя самого. Потом свечение убрали, доспехи в виде перламутровой пленки показывались лишь на секунду каждую пару минут, а рефлекторно-временные чары, в точности такие же, как пулевой эффект в «Матрице», срабатывали, стоило Элиоту дернуть носом. Это самое он и сделал. Все тут же перешло в режим замедленной съемки; отклонившись назад от смертоносного лезвия, он уперся рукой в песок, откатился и вскочил на ноги, не успев Зео завершить свой выпад.

Зео, при всей своей толщине, владел кое-какими приемами. Ничем не выказав удивления, он начал вращаться, намереваясь двинуть Элиота в живот концом своего шеста. Тоже правильно: удивление в бою некогда проявлять.

Элиот, со своей стороны, восхищался боевым мастерством Отца, которое наблюдал в замедленном темпе. Прямо балет, да и только. Видя медленное приближение шеста к своей диафрагме, Элиот отбил его палицей и обломал фута на три. Славясь, Фергюс, кем бы ты ни был.

Зео, снова изменив тактику, ловил в воздухе отломленный кусок рукояти. Деревяшка, отбитая Элиотом, с лунной скоростью уплыла прочь, и у короля появилось свободное время. Он бросил палицу и залепил Зео оплеуху.

Физического насилия Элиот обычно чурался. Что ж подделаешь, если судьба благословила (или прокляла) его, наделив слишком нежным сердцем. Кроме того, щека Зео, то ли намазанная, то ли потная, оказалась крайне противной на ощупь. Надо было перчатки, боевые рукавицы, надеть – и как-то соразмерить удар, невзирая на сожженный лес и убитого отшельника. С такой силой и скоростью немудрено пол-лица парню снести.

Этого, к счастью, не случилось, но оплеуху Зео определенно почувствовал. Щека у него медленно съехала набок – след точно останется. Осмелевший Элиот бросил нож, подступил ближе и нанес противнику пару быстрых ударов по ребрам. (Хук называется, так инструктор учил.) Зео отплыл на безопасное расстояние, чтобы отдышаться и пересмотреть свои жизненные позиции.

Элиот тем временем наседавал, чередуя кулаки с открытой ладонью. Справа-слева. За сестру, за дочь, за сестру, за дочь. Кровь в нем зыграла. Вот она, его битва; он на нее не напрашивался, но, видит Бог, доведет ее до конца.

Как все-таки успокаивает эта добавочная скорость. Дает время подумать, поразмыслить о выборе жизненного пути. Своим Элиот был в общем доволен. Он на своем месте и наслаждается жизнью – многие ли жители мультивселенной могут сказать то же самое о себе? Просыпаясь утром, он всегда знает, что хочет сделать, – и делает это, а сделав, гордится собой. Его вера в то, что он хороший верховный король, подкреплена множеством доказательств. Его народ счастлив. Филлори, когда в нем все спокойно, – замечательная страна. Понадобились годы жестокой тирании, чтобы ее испортить, и Элиот больше этого не допустит. У лорианцев уж точно не выйдет.

Если Элиот и не сумел чего-то осуществить, то лишь в том, что касалось Квентина. Вот уже год, как тот был низложен и изгнан. Год, как Джулия ушла на Ту Сторону. Это стало шоком для всех, но в первую очередь для Элиота – после самого Квентина, разумеется. Год был мирным, благополучным, и в замке даже веселей стало, когда Квентина с Джулией, главных филлорийских угрюмцев, заменили Поппи и Джош, но Элиот скучал по Квентину. Хотел, чтобы тот снова был рядом.

Квентин, при всех своих недостатках, был его лучшим другом и только начинал становиться собой по-настоящему. Последние приключения помогли ему окончательно избавиться

от подростковой застенчивости и проявили в нем самое лучшее: любознательность, ум, пылкую преданность, ранимое сердце.

Филлори уже не то без него. Никто, даже сам верховный король, не любил Филлори так, как он. Никто не понимал так, как он. Никто, кроме него, не упивался так волшебной реальностью и не умел так хорошо улаживать конфликты, когда те случались. Игра продолжается и без него, но сказать по правде, радости от нее уже меньше.

И сколько же всего пропустил сам Квентин! После гибели Мартина Четуина и прошлогоднего кризиса магии в Филлори настал новый Золотой Век – ничего подобного здесь не видели со времен правления Четуинов. Век легенд, подвигов, приключений и великих чудес на фоне нескончаемого ясного лета. Четверо правителей во главе с Элиотом выгнали бородастого дракона из родного ущелья в Петушиных Зубах и нашли среди его сокровищ два Именных Клинка. Выгнали из Темного леса пару пятидесятиглавых троллей, и те в лучах солнца окаменели с великим треском – так лед хрустит в водке с тоником. Злющего, взъерошенного троллекота Элиот взял себе. Квентину понравилось бы.

Элиот, если откровенно, за него волновался. Квентин, конечно, способен о себе позаботиться, но далеко не всегда. Все хорошо, пока он на ровном киле, но в последний раз, когда Элиот его видел, киль здорово колебался. Элиот с самого изгнания думал, как бы вернуть Квентина назад в Филлори, но ничего толкового не придумал. Может, если он победит Злобного Отца и тем спасет королевство, Эмбер назначит ему награду? А он тогда попросит помиловать Квентина. Наполовину из-за этого Элиот и затеял сражаться на поединке.

Зэо, кстати, наступал снова, с тем же отсутствием всякого выражения на поросящем рыле. Уж, казалось бы, Элиот достаточно его заставлял, так ведь нет. На секунду, чтобы отдышаться, Элиот вернулся в нормальное время. Укороченный шест в руке Зэо описывал хитрую загогулину. Давай-давай, много пользы это тебе принесет. Элиот, снова в замедленном темпе, нырнул под шест и принялся опять молотить лорианца по корпусу.

Ему бы поосторожней быть. Он недооценил выносливость Злобного Отца – а может, переоценил вред, который ему наносил. Быстроту противника даже относительно собственного ускорения Элиот точно недооценивал: вот что значит неопытность и повышенная самоуверенность. Зэо даже под градом ударов умудрился обхватить Элиота руками. Ничего, сейчас выскользнем... гм. Это оказалось потруднее, чем ему думалось, и мгновенная заминка решила все. Желтозубое рыло нависло над Элиотом, а громадные ручки начали выжимать из него дух.

Зэо правильно оценил ситуацию: раз твой шустрый противник сейчас даже шелохнуться не может – пользуйся. Он и пользовался: жал, норовя при этом укунить Элиота за ухо. Ну ладно, хватит. Он хоть и силач, но все же не супермен. Элиот, со всех сторон охваченный Злобным Отцом, уже с полминуты не мог дохнуть полной грудью – пора и освободиться.

Это было все так же трудно, но Элиот сумел вырваться и отлетел на пару футов назад. Он еще не успел восстановить равновесие, когда что-то больно ткнуло его в плечо.

– Ай! – вскрикнул он.

Ни одно лорианское оружие не могло пробить Призрачные Доспехи. Элиот все еще опережал Злобного Отца, но не в такой степени, как ему представлялось: в глазах всех остальных они оба должны выглядеть как мелькающие размытые пятна. Это волшебное оружие, вот в чем дело. Зря Элиот не присмотрелся к нему в самом начале. Металл не иначе филлорийский, насыщенный магией, и выкована эта штука не иначе из отнятого у отшельника плуга. Ясенько!

Элиот ухватился за остаток древка, вырвал пику у Зэо (вместе с кожей, вот и отлично) и метнул ввысь со всей силой, доступной ему и Фергюсу. Она скрылась в облаке, нависшем над горной вершиной, а Элиот принял боксерскую стойку.

Боксом он занимался скорее как аэробикой, а инструкторский торс умерял его тоску по интернетовскому порно, но и практическая польза от занятий тоже была. Джеб, джеб. Боковой. Хук, еще хук. Элиот не сдерживался больше и приговаривал:

– Отшельника. Убил. Мудак. Потный.

Не ложись только. Охота тебя еще малость поколошматить. Оттеснив противника почти к самой вражеской линии, Элиот врезал ему ногой по яйцам и закрутил его, в угоду личной фантазии, по часовой стрелке. Зео, колыхая своими жирами, грохнулся на песок – но и тут попытался встать. Элиот добавил ногой по мордасам: сколько же можно, в конце концов. Мое королевство. Моя страна. Он сбросил с себя всю магию – силу, скорость, доспехи.

Всю, да не всю: голос его гремел, отражаясь от скал. Подобрал обломок древка, Элиот швырнул его наземь. Тот не подвел и вертикально воткнулся в песок.

– Ступайте прочь, и пусть это сломанное копьё послужит границей между нашими землями. Тот, кто нарушит ее – будь то мужчина или женщина, – заплатит сполна. Филлори милосердно, но долго помнит и страшно мстит.

Мда. Не Шекспир, прямо скажем.

– Потревоживший овна узнает на себе силу его рогов.

На этом, пожалуй, и закончим.

Продemonстрировав лорианцам хмурое королевское чело, Элиот повернулся и зашагал к своим, бормоча под нос заклинание. Треск и шорох говорили ему, что воткнутая в песок деревяшка преобразается в ясень. Банально, конечно, но и в банальностях есть своя правда. Дыхание приходило в норму. Он сделал это. Доказал миру, на что способен верховный король. Перевал шел с севера на юг, и солнце, освещавшее остальное Филлори уже добрый час, наконец показалось над его восточным краем. Ряды расступились, чтобы пропустить Элиота.

До чего же порой клево быть королем. Особенно когда твое войско расступается перед тобой после того, как ты выдал вражескому ублюдку все, что ему причиталось. Элиот старался ни на кого не смотреть и лишь приветствовал жестом старшину великанов, благодаря его за поддержку: я-де в долгу у тебя. Тот величественно наклонил свою громадную голову.

Странно возвращаться в реальное время, если провел полчаса в замедленном темпе. Все движется как в немом кино: деревья, облака, люди. Утро было чудесное, горный воздух охлаждал перегретый мозг. Элиот решил не останавливаться и пройти пешком всю милю до филлорийского лагеря. Ну а что?

Кругом слышались охи и ахи по поводу раны в его плече – оно, кажется, еще кровоточило и с оттоком адреналина начинало зверски болеть, но Элиот не хотел пока переходить на положение раненого бойца. Всему свое время. Война окончена, жизнь хороша. Странное дело: думая, что знаешь себя как облупленного, ты все время открываешь в себе какие-то скрытые резервы, о которых раньше понятия не имел, и разгораешься ярче и горячее, чем когда-либо прежде.

Квентин бы понял его.

– Дорогая, я дома! – Элиот откинул входное полотнище шатра.

– Повторяй почаще, – бросила, не поднимая глаз, Дженет. – Когда-нибудь, может, и посмеюсь.

На походном столе перед ней были развернуты карты, по которым они следили за своей краткой, но славной военной кампанией. Элиот сам расположил на них крошечные фигурки обеих армий. Особой нужды в этом не было – всего один фронт, не «Эксис энд Элайз»;⁴ ему просто нравилось двигать их длинными лопаточками.

⁴ Axis and Allies («Оси и союзники») – настольная игра, посвященная Второй мировой войне.

Шатер из алого шелка заливал розовый свет. Внутри было жарко даже и на такой высоте: в Филлори времена года непредсказуемы. Сейчас, к примеру, настало лето, и неизвестно, надолго ли. Поначалу приятно, но хорошо бы чуть попрохладнее.

– Ну как, разобрался с папиными отпрысками?

– О да.

– Мой герой. – Дженет подошла и поцеловала его в щеку. – Ты убил его?

– Не убил, но навтыкал будь здоров.

– Я бы точно убила.

– В следующий раз на бой можешь выйти ты.

– Непременно.

– Жаль, что следующего раза уже не будет.

– Как огорчительно. – Дженет села в другое кресло. – В чаянии твоей неизбежной победы я вызвала пару пегасов отвезти нас с тобой в Белый Шпиль. Они сейчас будут.

– Хочешь посмотреть боевое ранение?

– Хочу, показывай.

Элиот, изогнувшись, предъявил ей пострадавшую дельтовидную (а может, трапециевидную) мышцу.

– Угу. Смотри кресло не испорти, течет.

– И это все? «Не испорти кресло»?

– Еще могу спросить, не наградить ли тебя медалью – но я и так знаю, что ты согласен.

– Согласен и получу ее. – Элиот закрыл глаза. Еще только полдесятого, а он уже никакой. Адреналиновый взрыв сменился легким ознобом. – Сам и вручу. Или, еще лучше, учрежу орден Сломанного Копья для особо доблестных. Вроде меня.

– Поздравляю. Ты лететь сможешь?

– Вполне.

Так они всегда примерно и разговаривают. Филлорийцы полагают, что верховный король и королева Дженет ненавидят друг друга, на самом же деле Дженет в отсутствие Квентина стала Элиоту ближе всех остальных. Отчасти, вероятно, из-за равнодушия обоих к романтике и за неимением у обоих постоянных партнеров. Раньше Элиот боялся, что его неспособность вступать в прочные отношения указывает на психическую ущербность, подавление там или фобию. Теперь это пугало его все меньше и меньше. Он не чувствовал себя ни подавленным, ни подверженным фобии – ну, разве что одиноким.

В отличие от Джоша и Поппи. Через шесть недель после вступления на престол они стали парой, через шесть месяцев отпраздновали помолвку. Этого никто не предвидел, но теперь уже трудно представить, что когда-то они не были вместе. Может, все дело в коронах? Не древняя ли магия, заключенная в них, побуждает своих носителей вступать в брак и обеспечивать королевству наследников? Не сумев свести Элиота и Дженет, чары не остановились на этом, и с Джошем и Поппи им повезло. Так или нет, эти двое, кажется, взаправду любят друг друга. Поппи молодец: разглядела в Джоше то, что не всякий видит. Он ведь не красавец и не любит показывать, как он умен, хотя никому в этом смысле не уступает. Главное в Джоше – большое, благородное сердце. Элиот потратил буквально годы, чтобы это понять, а Поппи просекла сразу.

Семья у них самая настоящая: неделю назад Элиот узнал, что Поппи беременна. Публично не объявляли пока, но скоро это станет заметно. Народ будет ликовать – в Филлори уже несколько веков не было принца или принцессы. Из-за этого Элиот тоже чувствовал себя одиноким, но так, слегка. Жизнь впереди длинная, будет и для такого время, если ему захочется. Он верховный король, на дворе золотой век – знай свершай подвиги и не бери в голову.

По траве затопали копыта, по шатру чиркнуло крыло – прискакали пегасы. Элиот с трудом встал из кресла. Рубашка прилипла к ране, но кровь как будто остановилась. В Белом

Шпиле его вылечат, и это даже неплохо, если останется шрам. Не дожидаясь Дженет, он соорудил королевскую мину и вышел.

Белоснежные пегасы бегали по кругу, не складывая громадных орлиных крыльев – они терпеть не могут стоять на месте. Великолепные создания: легки, как воздух, но выглядят, как нормальные кони. Мускулы крепкие, синие жилы выдаются под шкурой, как провода под ковром. Копыта блестят, как серебряные или платиновые.

Прервав бег, они выжидательно воззрились на Элиота. Пегасы умеют говорить, но с людьми, хоть бы и с королями, до этого не снисходят.

– Дженет! – позвал он.

– Иду.

– Вещи не бери, их пришлют следом.

– Ладно. – Дженет вышла из шатра в бриджах и сапогах. – Я тут подумала: раз уж мы провели мобилизацию, может, воспользуемся моментом? Продолжим наступление и возьмем Лорию?

– Лорию, говоришь.

– Ну да! Оттуда двинемся в Нигделандию, пройдем через фонтан и захватим Землю! Все просто.

– Знаешь, я твой юмор не всегда понимаю.

– Аналогично.

Пегасам не терпелось больше обычного – они еле дождались своих седоков. Седло и узда в их случае исключаются, приходится держаться за что попало: за гриву, за шею, за перья. Элиот чувствовал, как играют мускулы под кожей его коня. Пегасы набирали высоту по спирали, уши закладывало, лагерь стремительно уменьшался. Вот и перевал, где он дрался со Злобным Отцом. Стройные ряды филлорийцев и беспорядочно отступающий неприятель. Поднявшись примерно на тысячу футов, пегасы взяли курс на юго-восток, к Белому Шпилю.

Элиот любил Филлори во всех видах, но с воздуха особенно сильно. Земля разворачивается под тобой, как карта из любимой книги, которую ты изучал в детстве, мечтая оказаться там, в ней. Мечта Элиота сбылась. Вот древние каменные стены, пересекающие все королевство, – никто не ведает, кто и зачем их построил. Зеленый пейзаж расчерчен ими на клетки. Кое-где видны проломы, сделанные непогодой, животными, а то и людьми, которым камень понадобился для более практических целей. Большие дороги окаймлены темно-зелеными изгородями; если снизиться, станет видно, что густотой и неприступностью они не уступают нормандским посадкам времен Второй мировой. Местами их не мешало бы подправить; надо будет назначить кого-нибудь Смотрителем Изгородей.

Потом пегасы влетели в белое облако, и Филлори пропало из глаз. Здешние облака не липнут к тебе, как в реальном мире: они окутывают тебя легкой и теплой ватой, достаточно плотной, чтобы обеспечить комфорт. Нафиг любовь, нафиг брак, нафиг детей, нафиг секс. Вот она, романтика, вот область его фантазий. Он кормчий этой страны и будет вести ее в грядущее до конца своих дней, а после ему воздвигнут безупречной красоты памятник. Больше ему ничего не надо ни теперь, ни потом.

Они вышли из облаков над Великим Северным болотом. Какой дряни здесь только не водится: вон, чья-то громадная пятнистая спина уходит в трясину. Снарядить бы сюда экспедицию, исследовать, что к чему... хотя ладно. Оторвавшись от созерцания болота, Элиот обнаружил, что к их с Дженет звену примкнул Эмбер.

Давненько бог-овен не давал им аудиенции.

– Я желаю говорить с тобой, верховный король.

Глубокий бас Эмбера был хорошо слышен даже за ветром. Крыльев у него не было, и ногами он перебирать не трудился: просто лежал, подогнув их, словно на невидимом ковресамолете. Завитки его тугого руна слегка шевелились.

– Слушаю тебя! – крикнул Элиот.

– Нынче ты одержал великую победу для Филлори.

– Да! Спасибо!

Может, сейчас и попросить за Квентина? Эмбер, однако, продолжал:

– Но это всего лишь битва. Грядет война, Элиот. Последняя война, в которой нам не суждено победить.

– Погоди, я не совсем понял. Что это значит?

Элиот не таких речей ожидал. Где же отеческая похвала, где награда?

– Какая еще война, – прокричала Дженет. – Элиот разбил этих ублюдков! Все кончено!

– Вы не задумывались над тем, как лорианцы прошли через Северные горы?

– В общем, да, – признал Элиот.

– Древние чары ослабли, и это стало возможным. Их вторжение, предсказанное давным-давно, – только предвестие. Время – вот враг, который одержит над нами победу.

– Да? Понятно.

На самом деле ничего непонятно. Война с временем... в книжках вроде что-то такое было, он давно их не перечитывал. Опять-таки жаль, что Квентина нет.

– Конец уже близок, Элиот.

– Конец? Чему, собственно, приходит конец?

– Всему. Этой стране, этому миру. Филлори умирает.

– Ладно тебе. – Ну что за дешевый пафос. Это Филлори-то умирает? Филлори жжет! Время легенд, мир без границ! – Что ты хочешь этим сказать?

Эмбер промолчал, зато подал голос один из пегасов – Элиот впервые слышал, как они говорят.

– Снова-здорово, – с тяжким конским вздохом промолвил он.

Глава 6

Разместились они в двух машинах. Сначала к грузовому отсеку подъехал черный «Лексус SUV». Лайонел бережно воздврузил клетку с птицей на заднее сиденье, пристегнул и сел рядом. Следом подъехал белый лимузин. Дождь лил не переставая.

– Знала бы, что у нас выпускной, надела бы платье, – сказала Эльф.

Их связывала невольная близость, как незнакомцев, едущих вместе в аэропорт. Хотя почему незнакомцы – они теперь товарищи по оружию. Интересно, у всех ли у них истории такие же сложные, как у Квентина. Особенно у Плам: из того, что Квентин слышал о ней, вытекало, что ее история требует продолжения.

Потолок в лимузине был зеркальный, обивка из черного бархата со светодиодными вставками. В крыше имелся люк на случай, если кому-то захочется высунуть голову. Не так чтобы супервеличественно, но места полно: все пятеро расселись на максимальном расстоянии друг от друга. Лимузин в полном молчании выехал со стоянки и поплыл мимо бесконечной электростанции в сетке оранжевых фонарей.

Квентину на миг вспомнились ночи на «Мунтжаке»: скользишь себе от острова к острову по черным маслянистым водам Восточного океана Филлори. В деревянный борт поплескивает волна, позади тянется светящийся след. Теперь он снова отправляется в неизвестность, как и тогда.

Пацан нашел выключатель и зажег светодиоды, выбрав диско-радужный вариант.

– Люблю ночную жизнь, что тут скажешь.

– Я Плам, – сообщила Плам всей компании.

– Бетси, – назвалась Эльф.

– Квентин.

– Пашкар. – Индеец, само собой. Бородка цвета соли с перцем – слишком он солидный для таких авантюр.

Все выжидательно смотрели на пацана, которому Квентин бы дал лет пятнадцать.

– Вы что, шутите? Хотите пользоваться настоящими именами?

– Не шутим, – сказал Квентин. – Хотим.

– А я нет. Можете звать меня Ловким Плутом.

– Чего? – прыснула Эльф, то есть Бетси.

– Чем вам плох Ловкий Плут? «Оливер» небось все смотрели.

– Я знаю, откуда это, просто не хочу тебя так называть.

– Ну, Фейгином я всяко не хочу быть.

– Может, Стоппард? – предложил Квентин.

– Это что, тоже из «Оливера»? – не понял пацан.

– Это фамилия автора, которого ты читал в магазине, – пояснил индеец. – «Розенкранц и Гильденстерн мертвы».

– Да? Я думал, это Шекспир какой-нибудь.

– Неправильно думал.

– Ладно, пускай Стоппард, мне без разницы.

– Так вот, Стоппард: переключи, пожалуйста, освещение на нейтральную белизну.

Стоппард фыркнул, но переключил.

При белом свете Квентин убедился, что их пятерка как-то не очень похожа на супервовров международного класса. Скорей уж на Иностранный легион: все они отбросы волшебного мира, заблудшие души, никому больше не надобные. Откинувшись назад, он уловил застарелый пивной и табачный дух, память о былых холостяцких пирушках.

– Кто-нибудь знает, куда мы едем? – спросила Бетси, глядя на свое отражение в потолке.

– Предположу, что в Ньюарк, – ответила Плам.
– Тут и предполагать нечего, – вставил Стоппард. – Отель «Марриотт», международный аэропорт Ньюарк-Либерти.
– Откуда ты знаешь?
– Видел, как водила забил это в навигатор.
– Вот это сервис, – вздохнула Бетси. – Настоящее волшебство. Я-то надеялась хотя бы на «Даблтри».

Только она одна как-то соответствовала нужному профилю. Правильная поза, правильная агрессия. И еще: стеб стебом, но чувствуется, что она немало пережила.

– Вы уже делали это раньше? – Плам изо всех сил старалась поддержать разговор.

– В смысле спереть что-нибудь? – уточнил Стоппард.

– В смысле спереть.

– Скачивание порнушки не в счет, – заметила Бетси.

– Я, – сказал Квентин.

– Ты-ы? – протянула Бетси. – И что ж ты такого украл?

– Корону, например. И ключи.

Бетси это явно не впечатлило.

– Еще кто-нибудь?

– Я, – заявил Стоппард.

– А у тебя что?

– Так я тебе и сказал. – Стоппард открыл минибар – пусто. – Поскупился наш грач.

– Тоже мне выпивоха. Сколько тебе, двенадцать?

– Это не грач, а черный дрозд, – сказала Плам. – У грачей белые клювы, а у него бурый.

Настроение в лимузине держалось нервно-приподнятое, как в вагончике канатной дороги. Однако лыжники, передающие друг другу фляжку со шнапсом, выходят на горной вершине и навсегда разъезжаются в разные стороны, а здесь у них другой случай. Возможно, этим людям жизнь свою придется доверять.

– В Брекбиллсе кто-то из вас учился? – спросил Пашкар.

– А что это – Брекбиллс? – задал встречный вопрос Стоппард.

– Господи. – Бетси сделала вид, что хочет выскочить из машины. – У нас тут что, «Клуб «Завтрак»?⁵

– Я. – Квентин не видел причины это скрывать.

– И я... типа, – призналась Плам.

Лимузин перевалил через ограничитель скорости: они уже подъезжали к аэропорту.

– Нам полагается иметь какие-то особые навыки, так ведь? – предположила Плам. – У каждого своя специальность?

– И у тебя ее, надо полагать, нет, – съязвила Бетси.

– Ты так думаешь? Я иллюзионистка вообще-то.

– Моя специальность – транспорт. И предсказания – так, по мелочи, – сообщил Пашкар.

– Стоппард?

– Артефакты, – гордо ответил пацан. Вундеркинд, не иначе – вот почему у птицы к нему особое отношение.

– У меня взлом, проникновение и прочий вред, – сказала Бетси. – А ты, Квентин, что скажешь? – Она произносила его имя так, точно не считала его настоящим.

– Ремонт и починка.

– Починка? – переспросил Стоппард. – На хрена нам это сдалось?

⁵ Фильм американского режиссера Джона Хьюза (1985). Рассказ о пяти подростках, отбывающих наказание в школьной библиотеке.

– Фиг знает. Спроси у птицы.

Квентин сильно сомневался, что оказался здесь из-за своей специальности, но не хотел пока об этом упоминать.

Они уже, к счастью, прибыли: лимузин въехал под освещенный навес «Марриотта», и носильщики в дешевых ливреях устремились к нему. Если они думали обнаружить внутри пьяненьких щедрых молодоженов, их ожидало разочарование.

– Скорей бы уж вылезти из этой колымаги, – сказала Бетси.

– Говори за себя, – возразила Плам. – У меня, например, выпускного не было.

Лайонел заказал для них целых три «люкса». В ожидании инструкций они разместились на громадном бежевом диване в одной из гостиных. Бетси просматривала список услуг, птица клевала орешки из мини-бара.

К банкам «Хайнекена» на кофейном столике приложился пока один только Стоппард – возможно, впервые в жизни.

– Итак: что мы знаем и что нет. – Лайонел, стоя у выключенного телевизора, тронул плоский экран, и там появилось изображение – видимо, прямо из его головы. Такого трюка Квентин еще не видел. – Вот саквояж: не тот, который нам нужен, но марка и модель те же. – Изысканная штучка: светло-коричневый, в меру потертый, очень английский, с множеством ремешков и застежек. Идеально для уикенда за городом.

– Мы ищем Берти Вустера?⁶ – спросил Квентин, не вызвав общего смеха.

– Мы почти уверены, что он находится где-то на восточном побережье. – На экране вспыхнула карта восточных штатов, где были выделены наиболее вероятные пункты. – И почти уверены, что его владельцы не знают, что это: насколько нам известно, они пока не сумели его открыть.

– Почему бы вам просто его не выкупить? – спросила Плам. – Денег у вас, как я понимаю, много.

– Мы пытались, но владельцы догадываются, что вещь эта очень ценная, и не хотят расставаться с ней, не зная, в чем ее ценность. Мы полагаем, что они убили женщину-антиквара, у которой приобрели саквояж вместе с другими предметами. К сожалению, наши попытки купить его только подтвердили их подозрения.

– Убили? – воскликнул Стоппард.

– Да.

Стоппард, скорее взбудораженный, чем напуганный, вытаращил глаза и снова глотнул из банки.

– Скажу сразу: совесть вас в контактах с этими персонажами тревожить не будет, – продолжал Лайонел. – Сволота высшей лиги, Парой себя называют. – На экране появились фотографии, снятые, видимо, длинным объективом с приличного расстояния. Мужчина и женщина, оба приятной внешности, немного за тридцать. – Манипуляторы, работают с гражданами: такая у них игра.

Квентин помрачнел. Он уже слышал о магах, которые, соревнуясь друг с другом, спекулируют на бирже, развязывают войны и проворачивают выборы (Папы Римского в том числе). Мир для них все равно что шахматная доска. Избирательные эксцессы 2000 года происходили, скорее всего, из-за пари, заключенного двумя магами.

– Как их найти? – спросил он.

– Об этом не беспокойтесь.

– Я все-таки не понимаю, для чего вам саквояж, – сказала Плам.

– Вам и не надо, – вмешалась в разговор птица. – Мы вам не за это платим.

– Знаю, что не за это, но очень уж все это... расплывчато.

⁶ Джентльмен из цикла романов и рассказов П.Г. Вудхауза о Дживсе и Вустере.

– Расплывчато! – хмыкнула Бетси. – Тебе мало, что ты с птицей беседуешь в «Мариотте»?

И то верно. Квентину очень хотелось отвести Плам в сторонку и расспросить, зачем ей это, что ей известно, в порядке она или нет. Он беспокоился за нее и видел в ней наиболее вероятного кандидата в союзники. Бетси уже бормотала что-то в телефонную трубку – заказ, видно, делала.

– Сдается, команда у нас неполная, – сказал Квентин. – Как насчет экстрасенса? Целителя?

– Они не понадобятся.

– Как долго это продлится? – спросил Пашкар. На супервора он походил меньше всех и магом тоже не выглядел. Может, это маскировка такая: держался он в этой ситуации спокойнее остальных, это точно.

– Мы не знаем, – ответил Лайонел.

– И все-таки: несколько недель? Месяцев? Я должен предупредить семью. – Обручальное кольцо носил только он один.

– Я в аэропортовском «Мариотте» месяцами жить не намерена, – заявила Бетси. – И неделями тоже. Единственное натуральное вещество в моем номере – это волосы в ванне.

– Мы скажем вам, как только узнаем.

– Давайте подытожим, – предложил Квентин. – Мы имеем двух магов-убийц, намного опасней нас, при всем уважении, и саквояж с встроенными чарами, местонахождение и содержимое которого неизвестны. Требуется: отобрать его у вышеуказанных магов.

– За нами численное преимущество и элемент неожиданности, – заметила птица.

– Я лично очень удивлюсь, если у нас получится, – весело произнес Пашкар. – Может быть, вы чего-то не договариваете?

– И как мы будем снимать эти чары, если это в принципе невозможно? – поинтересовалась Плам.

– Придется совершить невозможное – поэтому я и нанимаю магов, а не бухгалтеров, – сказала птица. – Дальнейшее обсудим в индивидуальном порядке.

Квентин встал. К индивидуальной беседе он пока не стремился – сейчас ему требовалось поесть, проветриться и, возможно, как-то отметить начало новой преступной жизни. Но не успел он дойти до двери, что-то задело его за ухо и кольнуло в плечо. Птица! Он чуть не смахнул ее инстинктивно.

– Господи! Не делай так больше.

Может, к этому просто надо привыкнуть. У Джулии получалось.

– Знаешь, зачем я тебя позвал? – прошептал грач, сунув клюв в самое его ухо.

– Могу догадаться.

– Не за твои почилочные таланты.

– Я так и думал.

Птица снова перепорхнула на плечо Лайонела – порядком запачканное от долгого пользования, как Квентин заметил только теперь.

С Плам он договорился встретиться в гостиничном баре.

Свет там был слишком яркий и телевизоров многовато, но в барах, как и в книжных магазинах, Квентин всегда чувствовал себя как дома. У напитков с книгами много общего: те и другие гарантированно переносят тебя туда, где жизнь лучше или хотя бы поинтереснее, и вкус у водки с тоником везде примерно такой же. Прочие посетители были, скорее всего, бизнесмены или туристы с отложенными полетами: все они, похоже, находились здесь поневоле, а не по собственному выбору.

Полумеры здесь не годились. Квентин сел рядом с Плам и заказал сухой мартини с сюрпризом.

– Я думала, ты по винцу больше. – Сама Плам пила минералку.

– Пришлось увеличить дозу. А ты не по винцу разве?

– Сейчас, думаю, лучше оставаться в трезвом уме.

По телевизору показывали футбол – было прямо-таки жаль, что игроки топчут такое красивое зеленое поле. Плам не спешила начинать, и Квентин заговорил первый.

– Как они с тобой связались?

– Прислали письмо. Прихожу к себе в комнату, а оно лежит на подушке. До сих пор не поняла, как они это сделали – пока что в их операции это впечатляет больше всего.

– И ты уверена, что этого хочешь?

– Еще чего! Я хочу обратно в свою долбаную общагу, хочу долбаный колледж закончить.

Но не суждено мне, как видно.

– Мне как-то не очень хочется рисковать.

– Мне тоже, вот только выбор у меня на данный момент не очень богатый. Да и не твое это дело. Ты за меня больше не отвечаешь.

– Я знаю.

– А приставать ко мне как-то не в твоём стиле.

– Господи. Окажи хоть немного доверия.

Она имела право злиться, хотя он здесь был ни при чем. Его самого реальный мир после Брекбиллса тоже принял не слишком ласково. Он думал, что его жизнь после выпуска будет сплошным приключением, готовился раз за разом побеждать зло и совершать открытия. Понадобилось некоторое время, чтобы понять, как это на самом деле работает.

Принесли его мартини. От золотистого завитка лимонной кожуры на серебристой поверхности образовалась тонкая маслянистая пленка. Квентин выпил, пока коктейль не успел нагреться.

– Извини, а? – сказала Плам. – Не хотела на тебя кидаться. Ты ни в чем не виноват, видит Бог. Просто у меня сложности. Родителям пока ничего не сказала и не знаю, как сказать. Брекбиллс для них очень много значил, и на меня они, думаю, возлагали слишком много надежд – я ведь у них единственная.

– Хочешь, я с ними поговорю?

Она смерила его взглядом.

– Нет... лучше не надо.

– Я тоже единственный ребенок. Только на меня, похоже, надежд вовсе не возлагали.

– Вот видишь. Моих это просто убьет.

– Это же хорошо, что им не все равно. Не хочу изображать из себя Поллианну⁷, но если они тебя действительно любят, то и дальше будут любить.

– Будут-то будут. – Плам энергично втянула через соломинку свою минералку. – Всю жизнь будут смотреть на меня, как на птичку с перебитым крылом, которая никогда уже не взлетит. И зачем только я это сделала. Хотела просто посмотреть, что это, а потом взяла и дала согласие. А с тобой как было?

– Так же. Получил письмо, проигнорировал его и вдруг потерял работу. Пришлось вспомнить, о чем писали.

– Знаешь, я все-таки чувствую себя виноватой.

– Брось.

– Нет, правда...

– Забудь, говорю. Меня никто не заставлял, сам решил.

Чистая правда, кстати.

– Ну и что думаешь? Пройдет у нас этот номер?

⁷ Сиротка, не унывающая при любых обстоятельствах, героиня одноименной детской книги Э. Портер (1913).

– Без понятия. Раз птица предлагает такие бабки, то должна, по идее, полагать, что нам это по силам.

– Или это ее единственный шанс.

– Может, и так.

Мартини делал свое дело: лобные доли головного мозга подернулись инеем, готовя почву для глубокой заморозки. Процесс, поскольку Квентин не ужинал, шел ускоренным темпом. Не повторить ли?

– Скучаешь по Брекбиллсу?

Мяч на телеэкране отскочил от штанги.

– Еще бы, – ответил он, – но понемногу уже привыкаю. Свет не клином сошелся на одной школе, надо брать от жизни что можешь.

– Ну, пошла поллианщина.

Квентин усмехнулся, не сомневаясь, что и Плам это переживет. Она, конечно, совсем молоденькая и неопытная, но крепкий орешек и очень умна. Они, пожалуй, могут рассчитывать друг на друга. Квентин, поймав взгляд бармена, постучал по стакану.

– Меня другое волнует, – сказал он. – Как мы откроем саквояж, если те двое не сумели?

– Есть одна задумка, только тебе не понравится.

– Почему?

– Потому что мне тоже не нравится. Думаю, мне надо кое-что рассказать о себе...

– *Chochachos!*⁸ – Кто-то – Стоппард – хлопнул по плечам их обоих. – Что пьем?

Так веселиться может только человек, который напился первый раз в жизни. С какой стати его здесь вообще обслуживают? Мало что несовершеннолетний, так еще и пьян в стельку.

– Погодите. Вы что, знали друг друга раньше?

– Возможно.

– Это не то, что ты думаешь, – добавила Плам.

– Угу, – многозначительно ухмыльнулся Стоппард.

– Определенно не то, – подтвердил Квентин.

– Просто я испортила ему жизнь. И ему, и себе. Надо все-таки выпить, пожалуй.

⁸ Придурки (исп.).

Глава 7

Все началось, можно сказать, с невинной шалости... хотя нет, не совсем так. Даже Плам признавала, что шалость не столь уж невинная – может, потому и сделала это, если начистоту.

Будучи бесспорным основателем Лиги, она себя заодно и президентом назначила, без всяких там выборов. Предлагая членство другим, она представляла Лигу как старую брекбиллскую традицию. Это, строго говоря, расходилось с истиной, но поскольку Брекбиллсу лет четыреста, какая-нибудь лига здесь существовала наверняка. Вполне разумное предположение, хотя идею она вообще-то заимствовала из книги П.Г. Вудхауза.

Дело в том, что Уортон вел себя плохо и должен был понести наказание. Предполагалось, что после этого он станет вести себя лучше – а если и нет, то Лига все равно должна как-то его покарать. Решение не совсем невинное, но понятное, разве нет? Да и есть ли на свете такое понятие, как невинная шалость?

Показателем любви Плам к Брекбиллсу могло служить то, что за все четыре с половиной курса он ей не опротивел. Она любила его разнообразные традиции, ритуалы и мифы (в надежде, что к ним причислят и придуманную ей Лигу), без всякой иронии, нисколько этого не стыдясь.

Они собирались после отбоя в забавном, неправильной формы кабинетике у Западной башни: его, насколько Плам знала, система безопасности не охватывала. Заседания она вела, лежа навзничь на полу; другие девочки располагались на кушетках и стульях, напоминая россыпь конфетти в долгожданном конце утомившей всех вечеринки.

Установив тишину с помощью заклинания, глушащего посторонние звуки в радиусе примерно десяти ярдов, Плам провозгласила:

– Итак, голосуем. Кто за то, чтобы наказать Уортона, скажите «да».

«Да» звучали по-разному: горячо, иронично, сонно. Плам лежала, закрыв глаза, раскинув каштановые волосы веером по ковру – некогда мягкому и красочному, ныне истертому до полной серости. Результат получился почти единогласным, и она обошлась без «нет». Преступление Уортона было не особенно тяжким, но его, согласно уставу Лиги, следовало пресечь.

Дарси разглядывала в стенном зеркале с облупленной позолоченной рамой свое «африканское солнце» образца 1970-х – с гребнем, как и положено. Ее длинные коричневые пальцы творили иллюзию, делая из прически то надувной мяч, то длинный воздушный шарик. Плам не знала, как она это делает: зеркальная магия была специальностью Дарси. Показушно малость, но пусть: ей не часто выпадает шанс блеснуть своими талантами.

В чем же провинился Уортон? Обед в Брекбиллсе по традиции подают первокурсники, которые едят после всех остальных, но официанта по винам ежегодно выбирают из студентов четвертого курса. Ему вручают ключ от винного погреба, он подбирает напитки к блюдам, разливает их и так далее. В этом году виночерпием избрали Уортона, который и вправду хорошо разбирался в винах: названия марок и виноградников у него прямо от зубов отлетали.

Лига, однако, сочла, что Уортон недостойн оказанной ему чести, поскольку систематически недоливает – особенно пятикурсникам. Финнам, как их именуют в Брекбиллсе, за обедом разрешается выпить два бокала вина, а Уортон наполняет оба разве что на две трети. Сама Плам не особенно западала по алкоголю, но Лига в целом очень бдительно относилась к своим винам и такого прегрешения простить не могла.

– Что он, по-вашему, с этим делает? – спросила Эмма.

– С чем?

– Да с излишками. Заначивает, небось. Что ни вечер, то бутылочка.

Из восьми состоявших в Лиге девочек присутствовали шесть. Эмма училась всего лишь на втором курсе.

– Распивает, что же еще, – предположила Плам.

– Одному целую бутылку не одолеть.

– Ну, с дружкой своим, с греком... как его там.

– Епифаний, – хором подсказали Дарси и Челси.

Челси, поджав колени, возлежала на кушетке напротив Дарси и лениво пыталась подпортичь ее зеркальные фокусы. Чужое испоганить всегда легче, чем самому колдовать: в магии много таких мелких подвохов.

Дарси угрюмо сосредоточилась. Зеркало загудело, отражение закрутилось спиралью.

– Перестань, разобьешь, – сказала она.

– Может, он установил постоянные чары, которые требуют возлияний, – не унималась Эмма. – Мужскую силу укрепил, например.

– Застраховал свой пенис на семь дней по двадцать четыре часа? – уточнила Плам.

Эмма, показавшая себя выскочкой в обществе более старших и мудрых, залилась краской.

– Ну а что... вон он какой накачанный.

Челси воспользовалась общей заинтересованностью: отражение словно в черную дыру затянуло, и Дарси пропала из зеркала – только на диванной подушке виднелась легкая вмятина.

– Есть!

– Качок не обязательно супермужчина. – Люси, философическая бледная «финка», говорила, похоже, на основе личного опыта. – Спорю, он отдает вино привидению.

– Никакого привидения нет, – бросила Дарси.

Кое-кто всегда верил, что в Брекбиллсе есть свое привидение, а в этом году вокруг него возник настоящий культ. Эмма говорила, что видела его за окном, Уортон утверждал то же самое.

Плам тоже втайне желала увидеть его, но они ведь никогда не показываются тем, кто этого хочет. Поэтому она не была полностью уверена, что оно существует. Это как с бывшей лигой: то ли была, то ли нет, поди докажи.

– А что, собственно, означает «супермужчина»? – спросила Челси.

– Это который не спускает себе в штаны, – пояснила Дарси.

– Девочки, девочки, – вмешалась Плам. – Нас не должно волновать, куда Уортон спускает, – давайте решим, как быть с пропавшим вином. У кого есть план?

– У тебя, – сказали, снова хором, Дарси и Челси. Театральные близнецы, да и только.

Это верно, планы у Плам (извините за каламбур) были всегда. Ее мозг вырабатывал их сам по себе – оставалось лишь поделиться ими с окружающим миром. Такая легкая мания.

Этот конкретный план метил в ахиллесову пяту Уортона, то есть в карандаши. Школьными – вполне приличными, синими с золотой надписью – он никогда не пользовался. Говорил, что они слишком жирно пишут и вообще не по руке ему. Взамен он привез из дому свои, очень дорогие и действительно хорошие: оливково-зеленые, из какого-то твердого маслянистого дерева, пахнущие экзотическим дождевым лесом. Стальные втулки на них выглядели слишком высокотехничными для простой вставки резинок (не розовых, как обычно, а черных, поглощающих свет). Уортон хранил их в плоской серебряной коробочке наподобие портсигара; там же, в особом бархатном гнездышке, лежал и ножик для подтачивания.

Кроме того, Уортон (победитель школьных спартакиад, не иначе) все время проделывал с ними разные фокусы для посрамления прочих матлетов. Проделывал бессознательно и почти произвольно, к общему раздражению.

Плам предлагала их умыкнуть, а в качестве выкупа потребовать объяснения, куда Уортон девает вино, и клятвы впредь не допускать недолива. К половине двенадцатого Лига уже зевала вовсю, и Дарси с Челси снова измывались над отражением, которое вернули совместно, но основа была положена. План обсудили, одобрили, усложнили без надобности, украсили зло-

вредными колючками и распределили роли между собой. Это было суровое правосудие, но надо же кому-то навести здесь порядок: если преподаватели не желают, придется Лиге. Администрация закрывает на все глаза, но многочисленные очи Лиги не дремлют.

Отражение Дарси, зажатое, как в тисках, между чарами и контрчарами, извивалось и трепетало.

– Перестань, – с неприкрытым раздражением сказала она, – я же тебе говорила...

Как говорила, так и случилось: зеркало издало громкое «тик», и в правом нижнем его углу начала разрастаться белая паутина. Плам сделалось неуютно: комната на миг показалась ей батисферой, погрузившейся на недопустимую глубину. Иллюминаторы трескаются, и холодный безжалостный океан вот-вот хлынет внутрь...

– Черт! – ужаснулась Челси. – Надеюсь, оно не запредельно дорого стоило...

Утром Плам встала в восемь, поздно по своим меркам – но дополнительный сон не освежил ее, а лишь смазал все мысли, которым полагалось быть наготове. «Зачем это нам? – вопрошала депрессивная фаза, пришедшая на смену маниакальной. – Напрасная трата времени и усилий, не говоря уж о карандашах». Значения отклеивались от вещей, как старые стикеры.

В качестве финки, уже дописавшей курсовую работу, Плам исправно посещала все семинары. Первым занятием на этот день была историческая магия (если точно, Европа, пятнадцатый век, стихийные силы, озарения и Йоханнес Гартлиб⁹). Напротив Плам за столом сидела Холли, тоже член Лиги, круглолицая и хорошенькая, если не считать красного родимого пятна на мочке одного уха. Сама председательница находилась в такой отключке, что Холли пришлось дважды потрогать свой носик – лишь тогда Плам вспомнила, что это сигнал, что первая и вторая стадии плана успешно завершены.

Стадия первая: «Нехитро, но эффективно». Несколько часов назад парень, с которым встречалась Челси, должен был протащить ее в мальчишечью башню под видом свидания. После секса с ним Челси подошла к двери Уортона, прислонилась к ней, откинула со лба медового цвета кудри – и прошла внутрь в серебристо-астральном виде. Астральные проникновения были ее специальностью, и Плам не часто доводилось видеть столь красивую магию. Найдя коробочку с карандашами, Челси взяла ее в свои прозрачные, почти нематериальные руки. Из комнаты ее она не смогла бы вынести, но этого и не требовалось: нужно было только доставить ее к окну.

Если Уортон не спал, то мог это видеть, что не имело никакого значения. Пусть себе смотрит.

Люси к тому времени уже заняла свой пост у окна аудитории в противоположном крыле, чтобы телепортировать коробочку сквозь окно. Ее максимальная дистанция – три фута, вполне достаточно. Бывают же у людей полезные специальности. После этого коробочка летит вниз с сорокафутовой высоты, и Эмма, трясущаяся в кустах холодным ноябрьским утром, ловит ее в одеяло без всякой магии.

Эффективно? Бесспорно. Слишком сложно? Может быть, но ненужная сложность служит Лиге своего рода подписью.

За этим последовала вторая стадия, «Завтрак для чемпионов». Уортон после лихорадочных поисков пропавшей коробочки спустился в столовую поздно и не заметил, что овсянку перед ним поставила не безымянная первокурсница, а приметная Холли. После первой же ложки он почуял неладное и обнаружил, что каша приправлена не коричневым сахаром, как обычно, а душистыми, оливково-зелеными карандашными стружками.

Привет от Лиги.

Постепенно Плам тоже вошла во вкус – у нее, как правило, только утра были плохими. Семинары шли своим чередом: ускоренная кинетика, квантовая магия, тандемы соединенных

⁹ Йоханнес Гартлиб (1410–1468) – медик при баварском дворе, автор трактата о колдовстве.

рук, манипуляции с древесной растительностью. Ее курсовой нагрузки хватило бы не на одну докторскую, но далеко не всякий заканчивает Брекбиллс с таким багажом, с каким Плам в него поступила. В отличие от салаг, у которых на первом курсе пальцы не сгибаются и перед глазами круги плывут, Плам была очень хорошо подготовлена.

Брекбиллс, единственный аккредитованный магический колледж Североамериканского континента, за долгие годы успел исчерпать весь свой обширный абитуриентский резерв. Теперь декан Фогт попросту снимал сливки со средних школ, выискивая вундеркиндов с нужными для магии мозгами и высоким болевым порогом. Он отводил их в сторонку и делал им предложение, от которого нельзя отказаться (а если и откажешься, то потом ничего не вспомнишь).

Плам про себя считала, что неплохо бы обращать внимание и на эмоциональную зрелость. Студент Брекбиллса представлял собой такую психологическую взвесь, что учебный процесс мог окончательно исказить его личность: чтобы согласиться на такую каторгу, надо изначально быть слегка не в себе.

Специальностью Плам была камуфляжная магия, и она только радовалась, что ее считают иллюзионисткой. Иллюзионистам в Брекбиллсе, без ложной скромности, живется отменно. Только иллюзионист способен найти малюсенький невидимый замок, поставленный на опушке леса его братьями. Нойшванштайн¹⁰ такой или, проще сказать, диснеевский. В одну из башенок поднимаешься по скобкам, как по трубе Джеффриса на корабле «Энтерпрайз»; в круглой комнатке наверху помещаются только столик со стулом. Уж получше, опять-таки без ложной скромности, того коттеджа, где собираются физики. Когда иллюзионисты устраивают свои вечеринки, замок мерцает и парит над землей, как в мультике «Волшебная будка». Ведет к нему шаткая, без перил, лестница – все валяется с нее в мягкую траву, как напьются. Дисней рулит!

Время от времени кто-нибудь, дивясь подкованности Плам, спрашивал, чем таким она занималась в подростковые годы. Она, не скрывая ничего, отвечала, что росла в хороших условиях на островке близ Сиэтла и что семья у нее смешанная: папа маг, мама нет.

Требования к ней, как к единственному ребенку – то есть к корзинке, куда поневоле складываются все яйца, – предъявляли повышенные, особенно папа. Родители учили Плам на дому и на совесть отшлифовали ее магические способности, когда те прорезались. Занимаясь с папой языками и упражнениями для рук, она добилась больших успехов. Выпускного у нее, правда, не было, и в командных играх она не участвовала, но ради магии приходится чем-то жертвовать.

Если любопытствующий нравился ей и вызывал доверие, Плам добавляла еще кое-что. Да, внешне она просто блеск, и это не иллюзия, но никто не видит, как опустошена она внутренне, как глубока ее душевная пропасть. Иногда она чувствует себя смертельно усталой, но стыдится этого, полагая, что не оправдала семейных надежд. Она не даст пропасти себя поглотить, хотя порой ей хочется сдаться.

Было, однако, то, о чем Плам умалчивала, зная, что люди могут странно к этому отнестись. Скрыть это было нетрудно: почти всю жизнь она провела в Америке, говорила без намека на английский акцент и мамину девичью фамилию – Четуин – не носила.

Мама была дочерью единственного сына Руперта Четуина, что делало ее собственной дочью Плам (насколько та знала), последним живым потомком знаменитых Четуинов из книг о Филлори. И единственной их наследницей, хотя «Четуин» не было даже вторым ее именем: полностью она называлась Плам Полсон Дарби. Наследство было немалое: Пlover великодушно оставил свои издательские роялти детям, которые помогли ему нажить еще одно состояние (он уже был богат, когда начал писать о Филлори). Руперт, вложивший свою долю в

¹⁰ Романтический замок короля Людвига II в юго-западной Баварии.

постройку большого загородного дома близ Пензанса, позднее был призван в армию и погиб на Второй мировой.

Плам видела фотографии: громадный георгианский особняк, настоящий дворец. У него и название было, только она забыла какое. Мама там выросла, но отзывалась о родном доме как о месте, где гуляют эхо и сквозняки – неподходящая среда для ребенка. С лепных потолков вечно сыпалась штукатурка, а зимой девочка дни напролет просиживала на лестнице у трубы воздушного отопления – даже внутрь залезала, если трубу не закрывали решеткой, – но и там не могла согреться как следует.

Четуинов мама всегда считала безнадежными меланхоликами и фантазерами. Став взрослой, она продала дом со всей обстановкой, переехала в Америку и устроилась в «Майкрософт» рекламным агентом. С папой она познакомилась на благотворительном балу, и он далеко не сразу открыл ей, чем занимается в свободное время. Мама испытала неслабый шок, но все-таки стала его женой. Родилась у них Плам, и зажили они счастливой волшебной семьей.

В Брекбиллсе обо всем этом приходилось молчать. Здесь все бредили Филлори, все когда-то играли на своих задних дворах и в подвалах в Мартина Четуина, маленького короля волшебного мира с зелеными лугами и говорящими животными – мира, где только и можно осуществить себя до конца.

Плам это понимала и не пыталась лишить их заветной фантазии.

Весь Брекбиллс буквально вырос на Филлори: не колледж, а пятилетний филлорийский коллоквиум.

Весь, кроме Плам – единственной, в ком текла кровь Четуинов. У них в доме даже книг этих не было: Плам прочла только первую, «Мир в футляре часов», да и то потихоньку, урывками, в публичной библиотеке. Родители у нее не пили, не курили и не читали Кристофера Пlovera.

Плам не возражала: когда ты узнаешь, что магия существует, вымышленные волшебные миры становятся уже не так интересны. Прославиться как последний отпрыск Четуинов она тоже не захотела. Быть живым воплощением всеобщих детских фантазий – участь не слишком завидная.

Впрочем, под презрительным безразличием матери всегда скрывалось что-то еще, и Плам казалось, что это страх. Филлори прославило Четуинов и вместе с тем – о чем никто не думал или не желал думать – погубило их. Мартин, двоюродный прадед Плам и верховный филлорийский король, пропал бесследно в тринадцать лет. С Джейн, самой младшей, случилось то же самое в том же возрасте. Хелен поменяла фамилию и закончила свои дни христианкой-евангелисткой в Техасе. Фиона за все взрослые годы ни словом не упомянула о Филлори; если ее спрашивали, она проявляла легкое удивление и утверждала, что впервые об этом слышит.

Руперт, родной прадедушка Плам, был, судя по всему, глубоко несчастен и жил как отшельник, пока фельдмаршал Эрик Роммель не вывел его из затвора. На этой семье лежало проклятие, имя которому было Филлори: мама Плам всегда говорила о нем как о чем-то реальном. В чем бы ни заключалась причина – в книгах, в Пlovere, в родителях этих детей, в войне или в злой судьбе, – но столкновение Земли и Филлори привело к катастрофе, а точкой их соприкосновения были пятеро детей Четуин. Оказавшись в эпицентре, они испарились, отпечатались на стенах в виде теней, как жители Хиросимы. Плам не думала, что кто-то из них осуществился полностью или хотя бы частично.

Мама не хотела иметь с этим ничего общего, и Плам ее одобряла, потому что в глубине души ощущала тот самый страх. Существование магии стало для Плам чудесным сюрпризом, который никогда не переставал ее удивлять. Мир оказался еще интереснее, чем она думала! Но и здесь была своя ложка дегтя. Будем рассуждать логически: если магия существует, то можно ли быть на сто процентов уверенным, что и Филлори где-нибудь нет? А если оно есть –

нет, вряд ли, конечно, – значит, то, что обрушилось на целое поколение ее предков, как лев на безмятежных газелей, тоже реально и тоже может существовать где-то там. Плам, погружаясь в магию по уши, подсознательно всегда боялась зайти слишком глубоко и откопать что-нибудь нежелательное.

Особенно опасны были приливы депрессивной ангедонической химии: именно в такие периоды ей как раз и хотелось до чего-нибудь докопаться, взглянуть своим страхам в лицо. В такое время ей слышался зов сирен и что-то манило к себе – если не Филлори, то другая страна, столь же прекрасная и далекая, где Плам никогда не была, но могла бы, как ей казалось, обрести дом. Плам прекрасно знала, откуда в ней эта депрессивная жилка: четуинская кровь давала о себе знать.

Она держала свое четуинство при себе, не желая, чтобы другие копались в нем и нарушали его хрупкое равновесие. Может быть, она могла бы использовать свою специальность для маскировки не только материальных предметов, но и слов, фактов, имен и чувств? Спрятать их так глубоко, чтобы даже самой не найти. Спрятаться от себя самой.

Да нет, глупо, конечно. От себя не уйдешь. Надо жить своей жизнью, не поддаваясь пассивным настроениям, как выражается ее мозгоправ. Учреждать Лигу и стараться, чтобы Уортону мало не показалось.

День в итоге выправился – она, во всяком разе, провела его намного лучше Уортона. Карандашные стружки устилали его сиденье на первой паре, хлопья черных резинок обнаруживались в карманах по дороге на ланч. Настоящий фильм ужасов: его драгоценные карандаши подвергаются пыткам в некоем тайном застенке, а он не в силах спасти их! Горько пожалеет Уортон о своем недоливе.

Встретившись с ним во дворе, она одарила его улыбкой, за которую совесть лишь слегка ее упрекнула. Показалось ей или он правда немного напуган? Может, в Брекбиллсе в самом деле есть привидение, и зовут его Плам.

Под конец она осуществила свою личную задумку, изюминку всей операции, по ее мнению. На четвертой паре Уортон обнаружил, что его брекбиллский карандаш не желает строить графики магической энергии. Все точки, линии и векторы, которые он пытался изобразить, складывались в надпись ПРИВЕТ ОТ ЛИГИ.

Глава 8

Обеденный ритуал в Брекбиллсе складывался веками. Всякий ностальгирующий выпускник, переживший в колледже свои лучшие годы, уж непременно вспомнит столовую – длинную, узкую, обшитую темным деревом, увешанную портретами бывших деканов в костюмах соответствующих эпох. Освещают ее серебряные кособокие канделябры, расставленные на столе через каждые десять футов; огоньки свечей то вспыхивают, то меркнут, то меняют цвет под действием шальных заклинаний. Все одеты строго по форме. Написанные на столе имена студентов за ночь перемешиваются по капризу того же стола.

Вина Плам, как обычно, не стала пить. После первого блюда, не слишком удавшихся крабовых оладий, она извинилась и вышла. Дарси, когда Плам проходила мимо, потихоньку подала ей из-за спины карандашный пенал. Плам, идущая будто бы в туалет, действительно зашла туда, но в столовую уже не вернулась.

Вместо этого она прошмыгнула в учительскую гостиную, которую почти никогда не запирали в уверенности, что никто из студентов не осмелится проникнуть в нее без спросу. Плам осмелилась.

По стенам громадного L-образного помещения тянулись книжные полки, посередине были расставлены диваны и кресла, обтянутые красной блестящей кожей. Сейчас здесь находился один только профессор Колдуотер, которого Плам не принимала в расчет – он обедал во вторую очередь, с первокурсниками.

Профессор Колдуотер был странный. Новенький, слишком молодой для профессора, он держался наособицу и вне аудиторий почти не встречался. То ли гений, то ли малость чокнутый, а может, и то и другое. Вокруг него создалось что-то вроде культа благодаря экзотической магии, которую он демонстрировал на лекциях, но Плам, давно миновавшая этап мелкой починки, ни разу на них не была.

Другие профессора относились к нему куда сдержаннее студентов. Ему вечно доставались самые поганые нагрузки, вроде обедов с первокурсниками, но он как будто не возражал или вообще не замечал этого. Плам подозревала, что он занят чем-то еще, что часть его ценностей лежит за пределами неизменного, но столь эфемерного брекбиллского мирка. Выбегая из библиотеки со стопкой толстенных книг, он бормотал что-то себе под нос, словно решал в уме математические задачи.

По всем этим причинам Плам не слишком беспокоило, что он увидит ее в учительской. Если и заметит, то вряд ли запишет фамилию, скорее просто выставит ее вон. Рискнуть стоило в любом случае.

Он стоял в дальнем углу к ней спиной и смотрел в камин – высокий, тощий, почему-то седой, с винным бокалом в руке. Плам, молясь про себя святому патрону рассеянных профессоров, проскочила в короткую часть комнаты, где он не мог ее видеть.

Настал ключевой момент. Когда придет время подавать десертные вина, Уортон спустится в погреб и обнаружит в нем Плам, проникшую туда через потайной ход из учительской. Она предъявит ему требования Лиги, и он на них согласится.

Это была самая рискованная часть плана, поскольку о существовании этого хода студенты только догадывались. Ну что ж – если это просто выдумка, Плам найдет другой, менее драматический способ загнать Уортон в угол.

Оглянувшись через плечо – профессор благополучно оставался вне поля зрения, – она опустилась на колени. Третья панель слева... угу. В углу только половинка панели, считать ее или нет? Хорошо, так и так попробуем. Она вывела пальцем староанглийское слово, пользуясь старшим руническим алфавитом и представляя себе вкус старого шардоне в сочетании с горячим намасленным тостом.

Проще пареной репы. Она почувствовала снятие чар еще до того, как панель отворилась наружу на невидимых ранее петлях – но ход, к ее досаде, оказался закрыт. Он упирался в кирпичную стенку, скрепленную крайне брутальным заклятием нестуденческого уровня. Не поленился же какой-то профессор.

Плам, пригнувшись, ступила в проход, закрыла за собой потайную дверцу, зажгла простейшим заклинанием огонек вроде болотного. Стенку она разглядывала минут пять, погрузившись в своего рода аналитический транс. Узор кладки висел перед ней, мерцая, как абстрактная формула. Она вошла в него, ощупала изнутри виртуальными пальцами, ища любую погрешность. Должно что-то быть. Давай, Плам: ты же знаешь, что чары проще взломать, чем поставить. Не может быть, чтобы маг, сложивший эту преграду, был умнее тебя.

В углах чувствовалась какая-то странность. У таких сложных символов главное обычно не стыки, а базовая топология – ее можно деформировать, но она не утратит силы, пока не затронуты ее основные геометрические свойства. Однако здесь углы в пазах определенно острее, чем надо, и сделано это явно умышленно. Семнадцать градусов и три градуса. Пара в одном месте, пара в другом: единственные углы, которые повторяются дважды.

Тьфу ты, да это код. Самый простой, алфавитный. 17 и 3 – Q и C. Квентин Колдуотер. Что-то вроде подписи, водяной знак. Поняв это, Плам поняла весь расклад. Профессор намеренно допустил изъян, чтобы иметь запасной выход на всякий случай, и изъян этот – его хвастливая подпись. Плам взяла из пенала Уортона перочинный ножик, выковыряла раствор вокруг одного кирпича, простучала по нему костяшками мелодию собачьего вальса, и готово: кирпич тут же вывалился, и вся стенка рассыпалась.

Почему Колдуотеру, известному любителю вин, вздумалось запечатывать этот ход? Можно спросить, конечно – вот он, в двадцати ярдах стоит, – а можно обойтись и двигаться дальше. В коридоре было куда холодней, чем в учительской: деревянную обшивку поверх древней каменной кладки бросили, не доделав.

По всем расчетам, от учительской до винного погреба было около сотни ярдов, но на середине этого расстояния Плам уперлась в дверь – к счастью, не запертую. Прошла еще немного – опять дверь. Как будто через шлюзы проходишь. Четыре с половиной года живешь в этом доме, но никогда не знаешь, что еще он преподнесет. Пятая дверь открылась в квадратный дворик, где Плам не была ни разу. Площадь примерно четыреста ярдов, зеленый газон, грушевое дерево на шпалере у высокой стены. Шпалеры, эти распятия для деревьев, всегда немного пугали Плам.

А ночь сегодня определенно должна быть безлунная.

– Вот же псих, – пробурчала Плам, перебегая через дворик к очередной двери. Луна смотрела на нее как ни в чем не бывало.

Так. Теперь библиотека, причем верхние этажи. Плам двигалась через некое прерывистое пространство. Брекбиллская библиотека расположена в башне, которая кверху сужается; крохотные верхние помещения Плам видела только снизу и не думала, что здесь тоже хранятся книги. Теперь она убедилась, что верх пристроен лишь для того, чтобы башня казалась выше, и похож на потешный домик, выстроенный безумным королем для любимого карлика. Плам опустила на четвереньки, как Алиса-переросток в Стране чудес.

Книги, однако, имелись и здесь. Облупленные кожаные корешки с золотыми буквами указывали, что это какой-то многотомный справочник – по привидениям, скорее всего. Выглядели они вполне реально и к тому же вели себя как живые: выдвигались с полок и толкали проползавшую мимо Плам. То ли почитать просились, то ли задирали ее. Пара томов по настоящему больно съездила ей по ребрам. Видно, читатели сюда редко заходят. Похоже на собачий приют, где все щенки так и прыгают на тебя.

Нет уж, спасибо. Если Плам захочется заглянуть в них, она сделает это обычным порядком. Выход в дальней (если можно так выразиться) стене смахивал на кошачью дверцу, но

коридор за ним был нормальных размеров. Путь оказался длиннее, чем думала Плам, однако время еще не вышло. Сейчас все едят основное блюдо, потом будет десерт, а сегодня еще и сыр вроде бы. Если поторопиться, можно успеть.

Коридор, как она вскоре поняла, проходил как раз вдоль столовой: за стеной слышались разговоры и звон столового серебра. В глазах некоторых портретов были проделаны дырочки (общее место всех фильмов о домах с привидениями). Горячее, баранину с розмарином, только начали подавать, и у Плам, отгороженной от нее, сразу потекли слюнки. Она чувствовала себя замурованной, как древний скелет, и примеряла на себя роль бывшей выпускницы, скучающей по крабовым оладьям и по знакомому окружению. А вот и Уортон с красным вином, все так же бессовестно недоливающий бокалы на треть. Его вид приободрил Плам, и она твердо намерилась выдержать все и выполнить задуманное во имя Лиги.

Долго ли еще мучиться, вот в чем вопрос. Следующая дверь выходила на крышу, где было зверски холодно. Плам не была здесь с тех пор, как профессор Сандерленд превратила их в гусей и отправила в Антрактиду, в южный филиал Брекбиллса. Тихо после столовой, одиноко и очень высоко, только самые большие деревья сюда дотягиваются. По крутому скату опять пришлось двигаться ползком, обдирая ладони о черепицу. Вдали свинцовой синусоидой лежел Гудзон – Плам трясло от одного его вида.

Здесь, кстати, никакой луны не было. Вернулась, видимо, восвояси – интересно, где у нее свояси. Мысли путались. Так ни до чего и не додумавшись, Плам просто влезла в окно ближайшей мансарды.

Здесь жил студент – по ее догадке, Уортон, хотя она ни разу не видела его комнату.

– Надо же, какая ирония, – вслух сказала она. Вот тебе и прерывистое пространство. Кто-то в Брекбиллсе – а может, сам Брекбиллс – решил ее разыграть.

Вокруг полный бардак, что вообще-то в ее вкусе – она считала Уортона занудным чистюлей. И пахнет приятно. Она заподозрила даже, что это сам Уортон борется с ней... хотя где ему. Но что, если он не один? Если он член какой-нибудь Антилиги, созданной для борьбы с Лигой девичьей? Тогда сейчас самое время катапультироваться и прошмыгнуть обратно в столовую, только это не по ней. Плам не сдается. «Тигриный глаз»¹¹

¹¹ Песня группы «Survivor», написанная для фильма «Рокки 3» (1982).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.